

ISSN 2464-6741

MK ČR E 22427

Vědecký a praktický časopis

AKADEMICKÁ PSYCHOLOGIE

№ 3 2016

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktor – prof. **Valeriy M. Miniyarov**, Ph.D. (profesor v oboru pedagogika)
Zástupce šéfredaktora – doc. **Iona G. Dorošina**, CSc.
(kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **Garnik V. Akopov**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Samara, Rusko)
prof. **Vladimir P. Andronov**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Saransk, Rusko)
prof. **Aleksandr A. Baranov**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Iževsk, Rusko)
prof. **Asya S. Berberyan**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Erevan, Arménie)
prof. **Galina A. Vinogradova**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Togliatti, Rusko)
prof. **Galina A. Epančinceva**, Ph.D. (profesor v oboru psychologie – Orenburg, Rusko)

ISSN 2464-6741
MK ČR E 22427

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.

ISSN 2464-6741

MK ČR E 22427

Scientific and practical journal

ACADEMIC PSYCHOLOGY

№ 3 2016

THE FOUNDER:
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Valeriy M. Miniyarov
Deputy editor – Candidate of Psychological Sciences, assistant professor
Ilon G. Doroshina

International editorial board

Garnik V. Akopov, Doctor of Psychological Sciences, professor (Samara, Russia)
Vladimir P. Andronov, Doctor of Psychological Sciences, professor (Saransk, Russia)
Aleksandra A. Baranova, Doctor of Psychological Sciences, professor (Izhevsk, Russia)
Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
Galina A. Vinogradova, Doctor of Psychological Sciences, professor (Tolyatti, Russia)
Galina A. Epanchintseva, Doctor of Psychological Sciences, professor (Orenburg, Russia)

ISSN 2464-6741
MK ČR E 22427

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.

OBSAH

От главного редактора9

TEORIE A METODIKA PSYCHOLOGIE

Акимова М. Н.

Отечественная психология: региональный аспект..... 11

Есяян Г. С.

Методология трансцендентальной психологии восприятия: за пределами продуктного («кирпичного») подхода 18

EXPERIMENTÁLNÍ POHLEDY

Арутюнян А. А.

Ценностные ориентации как фактор самореализации женщин в профессиональной сфере..... 24

Берберян А. С.

Исследование представлений об «Образе-я» в сравнении с типичным и идеальным образами в структуре национальной идентичности армянской студенческой молодежи..... 29

Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г.

Автобиографическая память: речевые способы выражения воспоминаний..... 38

TRENDY V SOCIÁLNÍ PSYCHOLOGII

Semeleva E. V., Sadreeva M. R.

Family and early motherhood problems..... 42

DISKURZY PEDAGOGICKÉ PSYCHOLOGIE

Афшагова А. А.

Психолого-педагогический потенциал взаимодействия с миром природы в контексте этнокультурного опыта адыгов 46

Карелина И. О.

Содержание представлений дошкольников об эмоциональном отношении к ним воспитателя детского сада.....51

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году58

Информация о научных журналах59

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»60

CONTENTS

From the Editor-in-Chief	9

THEORY AND METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY

Akimova M. N. National psychology: regional aspect.....	11
Yesayan G. S. The methodology of perception transcendental psychology: beyond productive («brick») attitude borders	18

EXPERIMENTAL RESEARCHES

Arutyunyan H. H. Valuable orientations of women as a factor of self-realization in a pro-fessional field	24
Berberyan A. S. Study of representations of the "Self-image" compared with typical and ideal Self in national identity among Armenian students.....	29
Nikishov S. N., Osipova I. S., Pronkina E. G. Autobiographical memory: verbal techniques of memories expression.....	38

TRENDS IN SOCIAL PSYCHOLOGY

Semeleva E. V., Sadreeva M. R. Family and early motherhood problems.....	42

DISCOURSES OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Afashagova A. A. Psycho-pedagogical potential of interaction with the natural world in the context of ethnic and cultural experience of the Circassians	46
Karelina I. O. The content of preschoolers' representations about the kindergarten teacher's emotional attitude towards them	51

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016.....	58
Information about scientific journals	59
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	60

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Академическая психология, как и экспериментальная, выросла из глубокого понимания невозможности существования друг без друга, так как решение практических проблем невозможно без теоретического осмысления современной практики. Наш журнал, на первый взгляд, публикует разнонаправленные статьи авторов, исследования которых имеют узконаправленный характер, раскрывающий одну из множества сторон жизни человека, где его психическая деятельность соприкасается с окружающим миром, в котором личность занимает центральное место. Следовательно, в данном журнале нет традиционных рубрик, относящихся к классическим отраслям знания в области психологии (педагогической, социальной, возрастной, общей, юридической, клинической и др.). Это позволяет, как читателю, так и экспериментатору, обращаясь к содержанию нашего журнала, неожиданно знакомиться с многообразием экспериментального опыта в различных направлениях и понять, насколько широк этот исследовательский мир. В то же время, выход экспериментатора из своего узкого исследовательского круга расширяет и дополняет, а в отдельных случаях и подтверждает поиск нового в нужном направлении.

Научный и практический журнал «Akademická psychologie» не для широкого читателя, а для профессионалов, практических психологов, магистров, аспирантов, про-

фессорско-преподавательского состава. Из журнала Вы узнаете о проведении за рубежом и в России международных конференций, о защитах докторских и кандидатских диссертаций, позволяющих увидеть широкий спектр научных направлений. При достаточно широком охвате психологических проблем современная психологическая наука в XXI веке только в начале пути раскрытия множества тайн, которыми окутан человек как личность, как биосоциальная субстанция. Третье тысячелетие предполагает приподнять завесу, окутывающую непознаваемость и непредсказуемость человеческой психики. Этому будут способствовать новые современные методологические подходы в научно-исследовательской деятельности психолога. Классическая методология исследования всё чаще уходит в прошлое, оставаясь в системе ортодоксального взгляда на развитие психики человека. Постмодернистская методология исследования психологии всё чаще пытается рассматривать развитие личности исходя из внутренних ресурсов человека, где внешние факторы и их детерминанты менее значимы. Когда деятельность сознания становится воспроизводящим источником новых образов, обеспечивающих мышление личности в новых рамках реальности, которые по характеру уже представляют собой идеальное пространство для бесконечных человеческих фантазий.

Поэтому познание человека не имеет границ, как и всё мироздание, подчиненное одному вселенскому закону, т. е. расширяется на пути бесконечности, что создает

условие для постоянного развития человека.

*Профессор,
доктор педагогических наук
В. М. Миняров*

TEORIE A METODIKA PSYCHOLOGIE

УДК 159.9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М. Н. Акимова

*Кандидат психологических наук, доцент
Самарский государственный
социально-педагогический университет
г. Самара, Россия*

NATIONAL PSYCHOLOGY: REGIONAL ASPECT

M. N. Akimova

*Candidate psychological Sciences
assistant professor
Samara state social
and pedagogical university
Samara, Russia*

Abstract. This article from the historical perspective the problem of development of the national psychology, the development of a certain contribution made Samara psychologists, empirical and theoretical studies which were conducted on the basis of pedagogical high school since it was founded in the early twentieth century, the opening of the Faculty of Psychology at the end of the 80s and to date, the distinctive feature of which is the recognition of the Russian community of psychological fact of formation of the Samara scientific school of psychology of consciousness.

Keywords: Samara contribution of psychologists in the development of the Patriotic-stvennoj psychology; scientific school of psychology of consciousness.

Абсолютное большинство исследователей, предметом научных изыскания которых является история психологии, отмечают, что психология – наука молодая, несмотря на то, что своими корнями она уходит в далекое прошлое человеческого общества.

Не поднимая исторический пласт появления первых психологических знаний как таковых, вполне допустимо искать истоки зарождения психологической мысли не только в

общепризнанных культурных и научных центрах нашей страны, но и в ее регионах. Такой подход оправдан в связи с тем, что российские регионы активно участвовали и продолжают участвовать в реализации государственной образовательной политики.

Самара – один их крупнейших российских регионов, образовательная политика которого при всех ее трудностях и недостатках к началу XX века обрела реальные черты

и, будучи направленной на педагогическую практику, неизбежно должна была обратиться к психологии, научные основы которой еще только закладывались. Архивные материалы того времени подтверждают это достаточно убедительно. Вместе с тем, следует отметить тот факт, что на всем протяжении XX века своеобразным организующим центром развития психологии в Самарском регионе был и является до настоящего времени педагогический вуз, основная задача которого – организация и осуществление квалифицированной профессиональной подготовки кадров для отечественной системы образования.

Этот факт объясняет то обстоятельство, что развитие психологии в Самарском регионе как в теоретическом, так и в практическом аспектах в значительной степени было связано с научной, методической и учебной деятельностью преподавателей психологии педагогического вуза. Это нисколько не умаляет заслуг тех специалистов-психологов, профессиональная деятельность которых осуществлялась в других образовательных и иных структурах, однако истоки развития психологии в Самарском регионе лежат в реальных запросах образовательной политики XX века.

Исторические факты, зафиксированные в подлинных документах, сохранившихся в областном архиве, представляют несомненный интерес для составления траектории движения психологической мысли, распространения достижений отечественной и зарубежной психологии в образовательной системе. Поста-

вив такую задачу, выпускник исторического факультета и факультета психологии СамГПУ О. В. Петров собрал архивный материал, положив его в основу первой научной публикации и дипломного исследования, посвященного истории развития психологии в Самарском крае в первой четверти XX столетия [3]. Согласно этим материалам знаменательным фактом с точки зрения рассматриваемой проблемы следует считать открытие в 1901 году первых краткосрочных учительских курсов, где с «учителями и учительницами народных училищ» был проведен цикл «бесед по психологии с присоединением логики». Не менее значимым фактом стало введение в учебные планы гимназий теоретических и практических занятий по педагогике, содержательную основу которых помимо дидактики и теории воспитания составили учебные дисциплины по общей, возрастной и педагогической психологии. Психолого-педагогический компонент образования появился не только в светских, но и в церковных учебных заведениях в виде церковно-певческих и педагогических курсов для учащихся.

Создание в 1908 году в г. Самара Общества Народных университетов в какой-то мере удовлетворяло общественный интерес к достижениям науки и образования, но вместе с тем подготавливало почву для открытия в 1911 году Земского женского педагогического института, вскоре преобразованного в Высший женский педагогический институт. Фактически с этого периода начинается развитие психологической

мысли в Самарском регионе, а действующий ныне Самарский государственный социально-педагогический университет имеет полное право отметить в 2016 году свой 105-летний юбилей.

Дальнейшее развитие и укрепление психологии как науки и практики связано с именем известного отечественного психолога и первого ректора Самарского педагогического вуза А. П. Нечаева. Можно по-разному относиться к ценности научных и практических изысканий первых отечественных психотехников, в числе которых был и А. П. Нечаев, но его организационная деятельность по внедрению эксперимента в педагогику получила всеобщее признание в России и за рубежом. В Самаре же была реализована идея, выдвинутая А. П. Нечаевым, о привлечении учителей к экспериментальной работе путем создания при школах психологических кабинетов и лабораторий, ставивших не только учебные, но и исследовательские задачи. В педагогическом же институте начали активную деятельность Лаборатория по педагогической психологии и Психологический семинарий. Таким образом, были созданы благоприятные условия для развития педагогической психологии при активном участии первых преподавателей педагогического института, деятельность которых стала регламентироваться в рамках создаваемых в последующем кафедр психолого-педагогического профиля. Первой из них стала кафедра общей психологии и экспериментальной педагогики.

Научно-исследовательское направление ее деятельности определил профессор С. М. Василейский, круг интересов которого в соответствии с запросами того времени был непосредственно связан с проблемами научной организации труда, профориентации и профотбора. Научные публикации С. М. Василейского, в которых он дает сравнительную оценку методов психотехнической характеристики профессий и разработанную с А. А. Гайворовским универсальную схему для построения тестов всестороннего исследования круга общежизненного и общекультурного опыта ребенка и взрослого, можно считать существенным вкладом в развитие отечественной психодиагностики.

На дальнейшее развитие психологии в Самарском педагогическом институте в период 40–60-х годов XX века существенно повлияли развернувшиеся в стране дискуссии «по поводу перестройки психологии». Естественнонаучный подход к психологии хорошо просматривался в последующие годы в научных исследованиях куйбышевских (к этому времени г. Самара был переименован в г. Куйбышев) психологов, работавших в тесном контакте с физиологами под общим руководством основателя Самарской физиологической научно-педагогической школы члена-корреспондента АМН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР и Павловской премии АМН СССР, доктора медицинских наук, профессора М. В. Сергиевского. Результатом такого сотрудниче-

ства стали комплексные психофизиологические исследования проблемы индивидуальных различий, обусловленных типом высшей нервной деятельности человека, которая в дальнейшем стала одним из ведущих направлений научно-исследовательской работы преподавателей кафедры педагогики и психологии. Были установлены тесные научные контакты с лабораторией психофизиологии Института психологии АПН РСФСР, с ведущими психологами страны А. А. Смирновым, В. Д. Небылицыным, К. М. Гуревичем, Н. С. Лейтесом и др. Подтверждением тому стало обсуждение на заседании лаборатории проблемы индивидуальных различий, в разработке которой активное участие стала принимать и группа куйбышевских психологов во главе с доцентом Л. Н. Кадочкиным.

О серьезности научных исследований в этом направлении говорит тот факт, что с 1964 года студенты выпускных курсов впервые в истории педагогического института стали защищать дипломные работы по психологии, а в 1970–1972 году в составе преподавателей психологии появились первые два кандидата психологических наук из числа бывших выпускников педагогического института. Выполненные ими экспериментальные диссертационные исследования (М. Н. Акимова, В. Е. Сидорова) расширили представление о психологических проявлениях основных свойств нервной системы человека, о связях между свойствами нервной системы и особенностями поведения человека в различных жизненных ситуациях, в

условиях разных видов деятельности, о диагностических методиках и возможностях использования полученных результатов в педагогической практике.

Эти работы получили продолжение в серии последовавших экспериментальных исследований индивидуальных особенностей школьников, испытывающих трудности в обучении (1975, 1976). В разработке диагностического инструментария, подготовке методических рекомендаций для педагогов-практиков, выпуске серии научных статей и сборников активное участие принимали не только преподаватели кафедры педагогики и психологии, но и учителя школ, студенты.

Проблема индивидуальных и типологических особенностей получила дальнейшее развитие в исследованиях самарских психологов, дополнивших психофизиологический подход новыми аспектами ее рассмотрения. Ими стали изучение психолого-педагогических условий формирования характера, в числе которых одними из значимых являются стили семейного воспитания и типологические особенности личности. Экспериментальные исследования, выполняемые под научным руководством доктора педагогических наук, профессора В. М. Минярова, широко обсуждались в ходе региональных научно-практических конференций (2013, 2014). Как перспективное направление проводимых исследований стали оформляться практико-ориентированные подходы к проблеме личности и характера, позволившие разработать и апробировать программы воспита-

тельной работы в образовательных учреждениях (Е. Л. Чернышова), учебные спецкурсы и тренинговые программы формирования социальной зрелости студентов будущих педагогов-психологов (О. В. Горбунова), практические рекомендации школьным психологам и учителям по общению и взаимодействию с подростками с разными психологическими особенностями (Ю. Р. Мухина), тренинговые программы личностного самосовершенствования студентов технических вузов (Д. В. Агейкин) и др.

Рубеж 70–80-х годов прошлого века и весь последующий период стал преддверием больших перемен. Общественные запросы актуализировали проблему психологизации образования, внедрения психологии в практику работы образовательных учреждений всех типов и видов. Решить эти задачи можно было, только объединив творческие усилия всех психологов. Ввиду фактической малочисленности группы психологов в Куйбышевской области единственно правильным было принято решение наладить контакты с ближайшими соседями – психологами, работавшими в Ульяновском государственном педагогическом институте. Идея создания общественного объединения куйбышевских психологов и присоединения их к Ульяновскому отделению общества психологов СССР, предложенная Л. Н. Кадочкиным, была реализована при его активном участии в 1970 году. Но уже через два года было создано Куйбышевское отделение общества психологов СССР, которое возглавила доцент

кафедры педагогики и психологии КГПИ кандидат психологических наук М. Н. Акимова. В начале 90-х годов XX века, с преобразованием Куйбышевского отделения общества психологов СССР в Самарское отделение Российского психологического общества, деятельностью самарских психологов в рамках этой общественной организации стал руководить доцент, а ныне профессор кафедры общей и социальной психологии, доктор психологических наук Г. В. Акопов. Сегодня это одно из активно действующих сообществ профессиональных психологов Самарского региона.

Бурный период 80–90-х годов XX века в жизни педагогического вуза ознаменовался открытием в 1985 году общеинститутской кафедры психологии, а в 1991 году созданием на ее основе факультета психологии. С этого времени в Самарском регионе значительно активизировалось развитие практической психологии. Это направление стало реализовываться в рамках региональной психологической службы, которая стала одной из первых в Российской Федерации. Защита кандидатской диссертации старшим преподавателем факультета психологии Т. Н. Ключевой стала своеобразной защитой модели ныне успешно действующего и возглавляемого ею в г. Самара регионального Центра социопсихологических исследований, решающего комплекс задач от собственно научных, научно-методических и до практико-ориентированных задач психологического сопровождения всех участников образовательного про-

цесса в условиях внедрения новых образовательных стандартов.

Практическое направление деятельности самарских психологов не остановило научные изыскания, которые в этот период были связаны с научно-исследовательскими работами проблемы психологии сознания. Сегодня это признанная научная психологическая школа, внесшая несомненный вклад в отечественную психологическую науку. Научный и организационный вклад Г. В. Аكوпова в разработку фундаментальных основ психологии сознания по достоинству оценен психологическим сообществом. Проведенные за период с 1994–2015 гг. 8 Всероссийских и Международных научных конференций, по выражению В. П. Зинченко, позволили приблизиться к великой тайне сознания.

Актуальность проблемы психологии сознания, в разработке которой принимают участие самарские психологи, состоит в том, что она рассматривается в диапазоне от узко теоретических до широких социальных аспектов. В серии монографических работ, изданных за последние 20 лет, представлен не только глубокий анализ и обобщение хорошо известных подходов к решению проблемы сознания, но и выдвижение новых идей в понимании сознания. Существенные коррективы в трактовку категории сознания вносит социальный аспект жизнедеятельности человека, сделавший реальным постепенный переход личности на консолидирующий уровень ее функционирования. Выдвинутый Г. В. Акоповым прин-

цип контакта и свободы углубляет современное представление о структуре сознания. Контакт обеспечивает осмысленное взаимодействие субъектов общения, что приводит к изменению норм поведения, ценностей и установок личности. Свободу, как мотивационную структуру личности, Г. В. Акопов (2010) предлагает рассматривать в русле двухфакторной структуры сознания как проявление сознания в деятельности, познании, общении, в формах произвольного выбора, творчества и созидания. Эти теоретические выводы имеют выраженную практико-ориентированную психологическую и педагогическую направленность. В контексте основных идей проблемы психологии сознания оформляются частные психолого-педагогические исследования самарских психологов: созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии, психология правосознания, историческая психология российского сознания, герменевтика социознания, психолого-педагогические условия формирования социальной зрелости личности, мировоззренческая активность личности и др.

Подводя итог, можно отметить несомненную ценность региональных научных изысканий, обогащающих отечественную психологию теоретическими и практико-ориентированными исследованиями проблем общей, возрастной, педагогической и социальной психологии.

Библиографический список

1. Акопов Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
2. Сознание в актуальных измерениях: академический проект / отв. ред. Г. В. Акопов, Т. В. Семенова. – Самара : ПГСГА, 2010.
3. Петров О. В. Психологическое просвещение в Самарском крае в начале XX столетия // Вопросы психологии. – № 1. – 1998. – С. 99–107.
4. Проблемы личности и характера / Материалы второй региональной научно-практической конференции. 11–12 января 2013. – Самара : ПГСГА, 2013.
5. Экспериментальные исследования индивидуальных психологических особенностей школьников как средство предупреждения неуспеваемости // Научные труды КГПИ. Т. 166. – Куйбышев, 1975.

Bibliograficheskiy spisok

1. Akopov G. V. Psihologija soznaniya: Voprosy metodologii, teorii i prikladnyh issledovanij. – M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2010.
2. Soznanie v aktual'nyh izmerenijah: akademicheskij proekt / otv. red. G. V. Akopov, T. V. Semenova. – Samara : PGSGA, 2010.
3. Petrov O. V. Psihologicheskoe prosveshhenie v Samarskom krae v nachale XX stoletija // Voprosy psihologii. – № 1. – 1998. – S. 99–107.
4. Problemy lichnosti i haraktera / Materialy vtoroj regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. 11–12 janvarja 2013. – Samara : PGSGA, 2013.
5. Jeksperimental'nye issledovanija individual'nyh psihologicheskikh osobennostej shkol'nikov kak sredstvo preduprezhdenija neuspevaemosti // Nauchnye trudy KGPI. T. 166. – Kujbyshev, 1975.

© Акимова М. Н., 2016.

УДК 159.9

МЕТОДОЛОГИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОДУКТИВНОГО («КИРПИЧНОГО») ПОДХОДА

Г. С. Есаян

*Соискатель
Российско-Армянский
(Славянский) университет,
г. Ереван, Армения*

THE METHODOLOGY OF PERCEPTION TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGY: BEYOND PRODUCTIVE («BRICK») ATTITUDE BORDERS

G. S. Yesayan

*Doctoral applicant
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Abstract. This article presents perception transcendental psychology's specifics and wayouts from productive attitude's borders. This is a completely new and fundamental way to analyze and interpret the perception. A. I. Mirakyan has come to such a conclusion that ideas about mental reflection processes have been interpreted and analyzed by all researchers based on the preliminary data of mental reflection. He suggests that "reflection" should be considered as a reflection generating possibility, in which objects and their properties are born, formed and only at the end of that process become reflected. He proposed to look for the reasons of the mental reflections in pattern nature. It is totally new attitude towards undersatnding the process of perception. In this work it is also presented similarities of V. A. Mazilov's and A. I. Mirakyan's attitudes.

Keywords: productive attitude; perception; transcendental psychology.

В истории психологии мы часто сталкиваемся с языком метафор и символов. Многие фундаментальные работы в психологии были созданы именно с помощью метафор и символов: большинство работ З. Фрейда – «Толкование сновидений» [7], «Тотем и табу» [8] и т. д., основные работы К. Юнга, книги Э. Берна – «Игры, в которые играют люди и люди, которые играют в игры» [1], М. Эриксона «Мой голос останется с вами» [9], В. А. Мазилова – «Стены и мосты» [2] и т. д.

Этот ряд можно дополнить многими другими работами, которые знакомы широкому кругу психологов и считаются лучшими в истории психологии.

Конечно, после всего сказанного, трудно представить, чтоб не возник закономерный вопрос: неужели невозможно такие работы изложить академическим языком? Сразу ответим, что нет. Дело в том, что для решения фундаментальных проблем нужно «стать выше» той научной системы (или парадигмы), в

которой возникли данные проблемы: «невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень» [6, с. 133]. В. А. Мазиллов, выходя за пределы современных парадигм, преодоление кризиса в психологии видел, по нашему мнению, в «предпарадигмальной» системе знаний, в которой научные понятия сменяются метафорами и символами, что создает потенциальную возможность порождения новых парадигм.

Однако смена научной парадигмы не было для В. А. Мазиллова самоцелью и, более того, мы думаем, что он смирился бы с нынешней парадигмальной ситуацией в психологии, если бы решились вопросы, связанные с определением предмета психологии [2, с. 54].

В начале XX века, в покоем состоянии оказалась и физика, когда стало не возможным понятиями ньютоново-декартовской парадигмы ответить на новые, возникшие в физике, вопросы. Для выхода из создавшейся ситуации физики (А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер, В. Гейзенберг и др.) обратились к новым понятиям, которые соответствовали другой, квантово-релятивистской, картине мира.

Психология, как наука, со дня своего возникновения (1879) начала развиваться в парадигме естественных наук того времени (которая, как выше отметили, несколько десятилетий спустя, должна была стать причиной кризиса в физике), что, однако, не могло удовлетворить требованиям такой науки как пси-

хология, объект исследования которой – человеческая душа – является самым сложным в мире объектом и поэтому «...вполне заслуживает особого отношения, собственной научной парадигмы, отвечающей специфике ее объекта. Ибо психология – знание о наиболее возвышенном и удивительном» [2, с. 172].

Действительно, кризис в психологии начался уже со дня ее формирования, так как в вундтовской психологии были все те элементы, которые впоследствии привели психологию к кризису: «Само сведение экспериментальной психологии к психологии физиологической и противопоставление ей исторической психологии (психологии народов), отнесение к первой элементарных психофизических функций, а высших духовных проявлений ко второй, уже заключают в себе в зародыше то разложение психологии на ряд «психологий», которое получило особенно заостренное выражение у Шпрангера, противопоставившего «психологию духа» как подлинную психологию, физиологической психологии, как собственно физиологической дисциплине. Этот распад единой психологии на ряд психологий, особенно показательный для кризиса, начинается уже у Вундта» [2, с. 78].

Таким образом, психология изначально шагала теми тропинками, которые должны были ее привести к расщеплению и возникновению многочисленных «психологий». Это состояние В. А. Мазиллов диагностировал как шизофрению: «Хочу напомнить, что мы говорим о бо-

лезни не отдельного субъекта, а целой науки (точнее, целого комплекса наук)...» [2, с. 93]. Причину такого расщепленного состояния психологии, автор видел в «кирпичности» подходов. «Кирпич» – это искусственный материал, который готовил человек, и по этому, таким искусственным материалом невозможно решить (уточнить) предмет психологии и раскрыть фундаментальные принципы и закономерности психики, которые были бы общими и для психологической науки вообще: «При всех различиях общей была изначальная «кирпичность» подходов. Поскольку каждый кирпич свой формат и конфигурацию получал в своей «зоне», то надежды на какой-нибудь синтез не оправдывались. Общим било лишь имя – «кирпич», реально кирпич «биологический» и кирпич, к примеру, «социальный» не соотносились, да и не могли соотноситься, что авторы попыток «синтеза» прекрасно понимали, поэтому скорее этот синтез «обозначали», чем всерьез были озабочены созданием гибрида» [2, с. 44].

Подобным образом размышлял и А. И. Миракян, основные исследования которого были посвящены проблеме психического отражения [3; 4]. Он считал, что классические интерпретации связанные с этой проблемой, не могли выявить те глубинные принципы и закономерности, которые лежат в основе процесса психического отражения. Причина этого, по А. И. Миракяну, скрываются в продуктном подходе (по терминологии В. А. Мазилова – в «кирпичном подходе»). А. И. Ми-

ракян показывает, что при объяснении процесса восприятия, в качестве исходных данных всегда брались уже отраженные психические феномены, которые являются не чем иными, как созданные человеческим отржением психические явления («кирпичы»), из материала которых впоследствии «изготавливались» теории восприятия.

В психологии и психологии восприятия – в частности, создалась своеобразная ситуация, когда вместо реального предмета психологии исследуются разные проявления – продукты психического отражения: «В качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены» [2, с. 54].

Именно этот продуктный («кирпичный») подход впоследствии стал причиной возникновения многочисленных теорий восприятия (которые иногда даже противоречили друг другу). Эти подходы, которые были созданы благодаря отраженным феноменам («кирпичам») психического, не только не позволили раскрыть те принципы и механизмы, которые были в основе процесса психического отражения, но и еще больше углубили существующий кризис.

Тот диагноз, который был дан психологии – вообще, как видим, типичен и для психологии восприятия: «Итак, шизофрения, как и было сказано» [2, с. 65].

В обоих случаях (психологии и психологии восприятия) диагноз один и тот же, остается лишь обнаружить «рецепт» для лечения этой

тяжелейшей формы «болезни». Путь «лечения» В. А. Мазиллов видел в уточнении предмета психологии и в разработке новой методологии: «Действительно, понять смысл психологических изысканий можно только с помощью методологии, причем содержательно-психологической методологии» [2, с. 94], которая, в отличие от искусственных «кирпичей», должна была быть изготовлена из «естественного – психологического камня» и позволила бы всю психологию «говорить» на одном и том же языке: «Использование кирпича, как можно полагать, в конечном счете привело к путанице: кирпичи стали называть по-разному, взаимопонимание утратилось. Если кому-то рассуждение покажется слишком произвольным, напомним, что пока люди использовали для строительства камни, «на всей земле был один язык и одно наречие»» [2, с. 60].

Сторонником разработки новой методологии был и А. И. Миракян, который думал, что для выявления глубинных принципов и закономерностей процесса психического отражения нужно отказаться от продуктного «кирпичного» подхода (то есть не использовать для анализа в качестве исходных данных продукты психического отражения) и создать такую методологию, в основе которой будут лежать принципы и закономерности природы, которые общие и для психики.

Как видим, здесь тоже предлагается отказаться от «кирпичей» (от продуктов) и использовать «естественные камни» (принципы и закономерности природы).

Относительно создания новой методологии В. А. Мазиллов пишет: «Психологии остро необходима новая содержательная методология, которая могла бы направить и обосновать действия по реформированию психологической науки. Психологии необходима философия» [2, с. 171]. Философией назывался тот «рецепт», который вылечит психологию от «шизофрении». Для лечения шизофрении, в отдельных случаях, К. Г. Юнг тоже обращался к философии. Своим пациентам он предлагал читать книгу А. Шопенгауера «Мир как воля и представление»: «Я остановил свой выбор на Шопенгауере, потому что этот находящийся под влиянием буддизма философ делал особый акцент на возвращении главенствующей роли сознания» [10, с. 276].

К разработке новой методологии с помощью философии, в частности – метафизики, призывал и Р. М. Нагдян. Он убежден в том, что психология должна освободиться от «оков» современных парадигм, основанных на прогуктном подходе, и создать новую парадигму, которая соответствовала новой картине мира и удовлетворяла всем требованиям психологии для создания истинного предмета этой науки [5]. «Психология на пороге XXI века вправе рассчитывать на формирование собственной научной парадигмы. Для этого вовсе не обязательно копировать ходы науки и с упорством, достойным лучшего применения, воспроизводить чужие парадигмы, двигаться «чужой колеей»» [2, с. 171].

В. А. Мазиллов новую методологию представляет себе как комуинквативную. Она, вместо разрушения уже существующих подходов в психологии («стен»), должна создать между ними своеобразные «мосты»: «По моему глубокому убеждению, методология может быть уподоблена мостостроению. Во всяком случае, построение мостов является одной из важнейших функций современной методологии психологии» [2, с. 32], и продолжает, что «Мост действительно является соединением несоединимого, а, еще точнее, искусственным соединением несоединимого» [2, с. 34].

Как видим, психология, исходя из специфичности своего предмета, должна находить и специфические («ненаучные») решения, которые будут типичны только для нее. «Психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, так как нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других» [2, с. 145].

Вышесказанное подсказывает нам, что в психологии мостостроение также не должно быть похоже на обычные «архитектурные» решения (где требуются четкие математические расчеты), в противном случае, нам не удастся избежать вторжения искусственных элементов (искусственного соединения несоединимого).

По нашему мнению, здесь нужно «сверхархитектурное» решение, которое ни в какой науке не имеет своего аналога. Новый фундамент, изготовленный из «естественного камня», должен иметь такую глуби-

ну и объем, чтоб стал тем своеобразным мостом, который обеспечит связи между «стенами». Этот своеобразный «психологический мост», в отличие от обычных мостов, будет не сверху (как это обычно бывает и который в данном случае был бы искусственным), а снизу. Фундамент из естественного камня будет, так сказать, одновременно и уникальным мостом, который на себя возьмет уже все существующие психологические подходы и обеспечит связи между ними. Тогда, нынешняя психология станет лишь частным случаем более глубокой психологии, как ньютоновская физика по отношению к эйнштейновской физике.

Библиографический список

1. Берн Э. Игры в которые играют люди и люди, которые играют в игры. – М. : Эксмо, 2013. – 576 с.
2. Мазиллов В. А. Стены и мосты : методология психологической науки : монография. – Ижевск : ERGO, 2015. – 195 с.
3. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга вторая. – М. : ИП РАН. 2004. – 384 с.
4. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. – М. : Изд. ИП РАН; 1999. – 208 с.
5. Нагдян Р. М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности: дисс. доктор. псих. наук. – Ереван, 2015. – 305 с.
6. Оганян Ж. Афоризмы великих мужчин. – М. : Изд. АСТ, 2014. – 224 с.
7. Фрейд З. Толкование сновидений. – М. : Изд. Азбука-классика, 2009. – 512 с.
8. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб. : Изд. Академический Проект, 2007. – 160 с.

9. Эриксон М. Мой голос останется с вами. – М. : Изд. Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 232 с.
10. Юнг К. Г. Психология. Dementia praecox / пер. Т. Э. Гусакова. – Мн. : ООО «Харвест», 2003. – 400 с.
5. Nagdjan R. M. Metafizicheskiy podhod k metodologii issledovanija psihicheskogo otrazhenija real'nosti: diss. doktor. psih. nauk. – Erevan, 2015. – 305 s.
6. Oganjan Zh. Aforizmy velikih mužchin. – М. : Izd. AST, 2014. – 224 s.
7. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij. – М. : Izd. Azbuka-klassika, 2009. – 512 s.
8. Frejd Z. Totem i tabu. – SPb. : Izd. Akademicheskij Proekt, 2007. – 160 s.
9. Jerikson M. Moj golos ostanetsja s vami. – М. : Izd. Institut obshhegumitarnyh issledovanij, 2015. – 232 s.
10. Jung K. G. Psihologija. Dementia praecox / per. T. Je. Gusakova. – Мн. : ООО «Harvest», 2003. – 400 s.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bern Je. Iгры v kotorye igrajut ljudi i ljudi, kotorye igrajut v igrы. – М. : Jeksmo, 2013. – 576 s.
2. Mazilov V. A. Steny i mosty : metodologija psihologicheskoy nauki : monografija. – Izhevsk : ERGO, 2015. – 195 s.
3. Mirakjan A. I. Kontury transcendental'noj psihologii. Kniga vtoraja. – М. : IP RAN, 2004. – 384 s.
4. Mirakjan A. I. Kontury transcendental'noj psihologii. – М. : Izd. IP RAN; 1999. – 208 s.

© Есаян Г. С., 2016.

EXPERIMENTÁLNÍ POHLEDY

УДК 159.9

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
КАК ФАКТОР САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

А. А. Арутюнян

*Соискатель
Российско-Армянский
(Славянский) университет
г. Ереван, Армения*VALUABLE ORIENTATIONS OF WOMEN AS A FACTOR
OF SELF-REALIZATION IN A PROFESSIONAL FIELD

Н. Н. Arutyunyan

*Doctoral applicant
Armenian-Russian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Abstract. The article discusses the role and significance of value orientations. For many centuries, the primary mission of the beautiful half of humanity was exclusively the role of the guardian of the hearth. Accordingly, she was supposed to provide an atmosphere that promoted comfort and harmony in the family. Nowadays, however, almost every woman strives for self-realization, not only in the family, as a mother and wife, but also at workplace, trying to reach certain professional heights. It is assumed that among the factors contributing to the formation of personality, capable of self-actualization, the central role belongs to value orientations that determine the direction and the subject's level of activity, the formation of his/her personality. There is a relationship between the value orientations and women's self-realization in a professional field.

Keywords: valuable orientation; self-realization; professional activity; woman.

Актуальность. На протяжении долгих веков главным предназначением прекрасной половины человечества являлось исключительно хранение домашнего очага. Следовательно, предполагалось, что хранительница должна была обеспечивать комфортную атмосферу и гармонию в семье, поддерживать в доме ду-

шевную теплоту, быть любящей и заботливой матерью.

Но XX век внёс основательные изменения в образ жизни женщин в обществе, в социальные действия и ценностные ориентации. Сегодня почти каждая женщина стремится самореализоваться не только в семье, как мать и жена, но и в работе, достичь определенных высот в профессии.

В последнее десятилетие проблема самореализации женщин в профессиональной сфере становится одним из главных вопросов психологии. Усиление внимания к этой проблеме связано с пониманием ее определяющей роли в развитии личности женщины, предъявлением более высоких требований к таким качествам, как способность к саморазвитию и самосовершенствованию.

Проблема самореализации берет начало в гуманистической психологии. Самореализация личности, как отмечает Л. А. Коростылева, – это осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий, содейтельности, творчества с другими людьми, социумом и миром в целом [5, с. 30]. К проблеме самореализации обратился зарубежный психолог А. Адлер. В своих работах Адлер, наряду с термином «стремление к превосходству», использовал «стремление к самосовершенствованию» как взаимозаменяемые. Согласно его теории, субъект, сравнивая себя с недостижимым идеалом совершенства, постоянно преисполняется чувством, что он ниже его, и мотивируется этим чувством [1, с. 291].

По мнению некоторых психологов, стремление к превосходству – это борьба за саморазвитие, самосовершенствование. Теория Адлера нашла свое отражение в концепциях самореализации:

- 1) самоактуализация К. Гольдштейна,
- 2) теория А. Маслоу,
- 3) актуализирующаяся тенденция К. Роджерса,

4) мотивации эффективности Р. Байта.

Все эти концепции касаются феномена самореализации человека, в основе которой лежат потребности роста, развития и самосовершенствования.

Предполагается, что среди факторов, обуславливающих формирование личности, способной к самореализации, центральное место принадлежит ценностным ориентациям, детерминирующим направление и уровень активности субъекта, становление его личности.

В психологии изучением ценностных ориентаций личности занимались такие учёные, как Климов Е. А., Василенко В. А., Ядов В. Я., Маслоу А., Щварц Ш., Билски У., Франкл В., Роджерс К. и другие. В трудах данные авторы используют как термин «ценность», так и термин «ценностная ориентация» личности. Как отмечает Бартус, существенного различия в данных понятиях нет. Но если речь идет об изучении характеристики общества, социальных групп, то используется термин «ценность». В рамках изучения отдельного субъекта можно говорить как о ценностной ориентации, так и о ценности [3, с. 64].

В работах А. Маслоу понятие «ценностная ориентация» характеризуется как мотивационная потребность личности, и практически неразделимы понятия «мотив», «ценность» и «потребность». В работах российских психологов ценностные ориентации рассматриваются в связи с такими понятиями, как установка, отношения, отражение [6, с. 192].

Таким образом, ценности личности находятся в вечном изменении в зависимости от возрастных изменений, от изменений окружения и представляют собой механизм социального контроля и поддерживают общественный порядок. То есть это те нормы и требования, которые, регулируя межличностные отношения, обосновывают внутреннее культурное развитие человека. А ценностные ориентации (Т. Парсонс), являясь главными составляющими сознания личности, включают в себя моральные, политические, эстетические, концептуальные знания, представления и убеждения. Как отмечает А. Кравченко, «ценности принадлежат группе, ценностные ориентации – индивиду» [2]. Ценностные ориентации в свою очередь могут быть системой позиции, то есть относительно стабильной социально обусловленной личности, чем и личность воспринимает ситуацию и выбирает соответствующее действие, поступок, давая им смысл и значение. Это непосредственно связано с поведением субъекта и находится под сознательным контролем.

Целью нашей статьи является изучение ценностных ориентаций как фактора самореализации работающих женщин, в отличие от неработающих женщин.

Гипотеза. Существует взаимосвязь между ценностными ориентациями и самореализацией женщин в профессиональной сфере.

Для решения поставленной цели и проверки гипотезы были применены следующие методики: самоактуализационный тест (САТ), методи-

ка Ш. Шварца (Ценностный опросник (ЦО)). Экспериментальное исследование проводилось в течение 2014–2016 гг., в нем приняли участие 120 женщин. Возрастной диапазон женщин – от 35 до 45 лет, работающие женщины и домохозяйки, состоящих в браке и имеющих детей.

Исследование работающих женщин с помощью теста САТ дало следующие результаты (рис. 1.):

1. Параметры, набравшие баллы, соответствующие статической норме, выявляют диапазон самоактуализации: ценностные ориентации, гибкость поведения, спонтанность, принятие, представление о природе, контактность, синергия.

2. Параметры, набравшие баллы, соответствующие статической норме, обозначают ориентацию во времени, самоуважение, креативность, агрессивность.

3. Параметры, набравшие низкие баллы по статистической норме, обозначают познавательные потребности.

Совершенно другая картина у неработающих женщин:

1. Параметры, набравшие высокие баллы, соответствуют диапазону актуализации: гибкость поведения, контактность, агрессивность.

2. Параметры, набравшие баллы, соответствующие статистической норме, обозначает ориентацию во времени, принятие, спонтанность.

3. Параметры, набравшие низкие баллы по статистической норме, обозначает познавательные потребности, креативность, самоуважение.

Обобщая полученные результаты, можно предположить, что работающие женщины более интеллек-

туальны, общительны, уверены в своих силах, имеют высокую мотивацию для личностной самореализации и самореализации в профессиональной сфере. А у неработающих женщин наблюдаются барьеры в общении, неуверенность, низкая

самооценка, затруднения в самореализации. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что у работающих женщин наблюдается высокая степень самореализации, что отражено в рисунке 1.

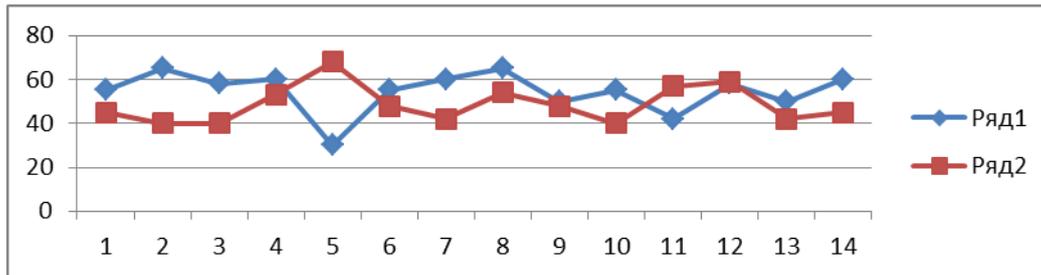

Рисунок 1. Результаты исследования параметров самореализации у женщин (Ряд 1 – работающие, ряд 2 – домохозяйки)

Анализируя полученные результаты методики Ш. Шварца ценностных ориентаций у женщин, картина аналогичная, что отражено в рисунке 2.

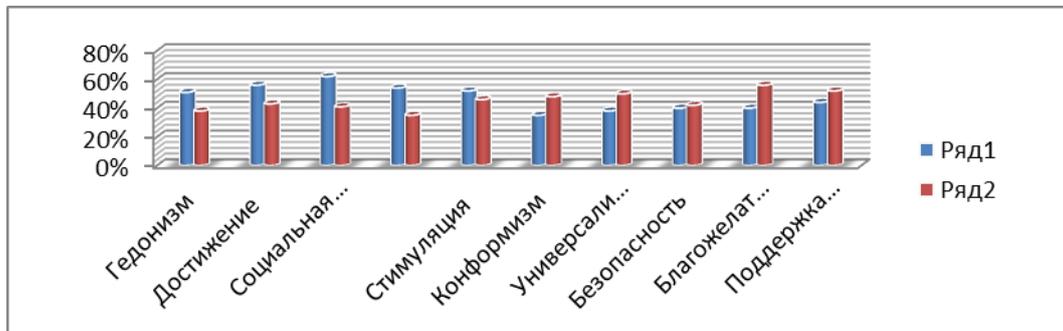

Рисунок 2 Результаты исследования ценностных ориентаций у женщин

Как видно из результатов исследования, у работающих женщин на высоком уровне находятся такие ценности, как самоопределение, гедонизм, социальная власть, самоопределение. Можно предположить, что для работающей женщины ха-

рактерны самостоятельность мышления и выбор способов действия, в творчестве и исследовательская активность, достижение социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, соци-

альная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание), достижения, которые предполагают личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. А ценностный тип стимулирования является производным от организменной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности. Работающие женщины готовы к изменениям, к новому, что и стимулирует самореализацию.

Для домохозяек главными целями является универсализм, благожелательность, традиции, терпимость, защита благополучия всех людей и природы. Сохранение традиции, уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им. На низком уровне находятся следующие ценности: самостоятельность, гедонизм, стимуляция.

В результате проведенного исследования мы можем констатировать, что выдвинутая нами гипотеза подтверждена: существует взаимосвязь между ценностными ориентациями и самореализацией женщин в профессиональной сфере.

Библиографический список

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии // пер. с нем. – М., 1995. – 291 с.
2. Бернс Р. Б. Что такое Я-концепция / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1986.
3. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности. – М. : Знание, 1985.
4. Ермолич С. Я. Методологические предпосылки формирования ценностных ориентаций у подростков // Пазашкольнае выхаванне. – 2007. – № 9. – С. 23–27.
5. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: брачно- семейные отношения. – СПб. : Изд-во СПб-ун-та, 2000. – с. 30.
6. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности, Учебное пособие. – Кемерово : КемГУ, 1999. – 192 с.

Bibliograficheski spisok

1. Adler A. Praktika i teorija individual'noj psihologii // per. s nem. – М., 1995. – 291 с.
2. Berns R. B. Chto takoe Ja-koncepcija / per. s angl. – М. : Progress, 1986.
3. Bratus' B. S. Nravstvennoe soznanie lichnosti. – М. : Znanie, 1985.
4. Ermolich S. Ja. Metodologicheskie predposylki formirovanija cennostnyh orientacij u podrostkov // Pazashkol'nae vyhavanne. – 2007. – № 9. – S. 23–27.
5. Korostyleva L. A. Psihologija samorealizacii lichnosti: brachno-semejnye otnoshenija. – SPb. : Izd-vo SPb-un-ta, 2000. – s. 30.
6. Seryj A. V., Janickij M. S. Cennostno-smyslovaja sfera lichnosti, Uchebnoe posobie. – Kemerovo : KemGU, 1999. – 192 s.

© Арутюнян А. А., 2016.

УДК 159.9

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ «ОБРАЗЕ-Я»
В СРАВНЕНИИ С ТИПИЧНЫМ И ИДЕАЛЬНЫМ ОБРАЗАМИ
В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
АРМЯНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

А. С. Берберян

*Доктор психологических наук
профессор, психолог
Российско-Армянский (Славянский)
университет, г. Ереван, Армения*

**STUDY OF REPRESENTATIONS OF THE "SELF-IMAGE"
COMPARED WITH TYPICAL AND IDEAL SELF IN NATIONAL
IDENTITY AMONG ARMENIAN STUDENTS**

A. S. Berberyan

*Doctor of Psychological Sciences
professor
Russian-Armenian (Slavonic) university
Yerevan, Armenia*

Abstract. The phenomenon of national identity is particularly relevant because of cultural differences and the cultural identity of the ethnic group. The goal of research is the identification of representations about "Self-image" compared with typical and ideal Self in national identity structure among Armenian students. The empirical study was conducted with students of Armenian universities. According to the results of the study in title Armenian ethnos respondents' representations about typical Armenian women and men in substantial characteristics are close the representations about ideal Armenian and "Self-image".

Key words: national identity; "Self-image"; Armenian student youth.

В условиях глобализационных и интегративных процессов, способствующих интенсификации межкультурных контактов, проблема национальной идентичности становится все более актуальной. Национально-этническое сознание включает в себя идентификацию человека с историческим прошлым этноса, конкретной нации. Этническая уникальность – категория не абсолютная, а относительная, которая не имеет определенного смысла вне системы культурно-исторических взаимоотношений. Этнос не обязательно ха-

рактеризуется общностью территорий или кровнородственными отношениями. Интенсификация темпов социального развития и прогресса существенно влияет на процессы этнокультурной идентификации [2].

Феномен национальной идентичности делает особенно актуальным вопрос о культурных различиях и культурной самобытности этноса. Радикальные изменения, происходящие во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни Армении,

имеют неоднозначные последствия для развития в XXI веке [1; 6].

Феномен личностной идентичности в современной философской и психологической литературе связан с рассмотрением проблемы обретения человеком свободы и самобытности в контексте социокультурных форм личностного бытия [3]. Философская и психологическая рефлексия данной проблемы во многом связана с исследованиями личностной самоидентичности в социологии (теории интеракционизма Д. Мида, Ч. Кули; социальной драматургии и фреймов И. Гофмана), психологии, особенно в психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг и др.), в русле которого Э. Эриксон вводит понятия индивидуальной и коллективной идентичности [5].

Вместе с тем, проблема социальной идентичности остается важным объектом для исследования во многих отраслях научного знания. Особенности формирования и развития социальной идентичности в современных социокультурных условиях изучены в трудах Ж. Аттали, З. Баумана, У. Бека, А. Гидденса, М. Кастельса, О. Тоффлера.

В исследованиях, Л. М. Дробижевой, Н. М. Лебедевой, И. Б. Орловой, Т. Г. Стефаненко, В. Г. Федотовой, В. Ю. Хотинца ставится вопрос об идентификационном характере этничности, сущности идентичности, рассматриваются проблемы трансформации компонентов идентичности на постсоветском пространстве. Диапазон предметной области исследований расширяется и включает вопросы анализа социально-культурной дистанции этнических

групп, социокультурной ситуации, типов и компонентов идентичности, трансформации этнической идентичности, стратегии и этапы процесса идентификации [4].

Однако среди проведенных исследований практически отсутствуют работы, изучающие представления об этнической идентичности в структуре национальной идентичности субъекта.

Цель исследования – выявление представлений об «Образе-Я» в сравнении с типичным и идеальным образами в структуре национальной идентичности у армянской студенческой молодежи.

Методы эмпирического исследования: анкетирование и тестирование, в числе которых 1) опросник для выявления у исследуемых: а) чувство комфорта и удовлетворенности от проживания в Армении; б) желания или нежелания покинуть страну; 2) методика «Кто Я?», представляющая собой нестандартизированное самописание с открытой формой. Методика была предложена в 1954 году М. Куном и Т. Мак-Партландом, теоретической основой методики послужила концепция социальных ролей и ролевого поведения, в рамках которых задается и способ самовосприятия человека как носителя этих ролей. Этот факт находит свое отражение в самоописаниях испытуемых, в то же время личности свойственно рефлексировать и свои психологические характеристики, свое место не только в социальном мире, но и в мире в целом. Поэтому методика охватывает не только ролевые аспекты, но все сферы представлений

человека о своей личности и ее ядре – «Я» в структуре национальной идентичности. Нами была применена методика с целью выявления соотношения «Я» и «Мы» в самопонимании этнокультурной идентичности для определения в исследуемой группе особенностей представлений о типичных и идеальных армянских мужчине и женщине, а также представления о себе, «Образ-Я» в этнокультурном контексте. Исследуемые должны были оценивать 81 личностное качество от 0 до 5 баллов, /0 баллов – наименее характерно, 5 баллов – наиболее характерно/: 1) типичного мужчины своей национальности; 2) типичной женщины своей национальности; 3) идеального мужчины своей национальности; 4) идеальной женщины своей национальности; 5) себя самого. Были исследованы также представления респондентов о национальном идеале.

Гипотеза исследования: в типичном армянском этносе представления респондентов о типичной армянской женщине и мужчине близки по содержательным характеристикам представлениям об идеальном армянине и существуют значимые различия с «Образом-Я».

Описание выборки и процедуры исследования. Эмпирическое исследование было проведено со студенческой молодежью армянских вузов, представителями армянского этноса в Армении, общим количеством 135 человек, из которых 51,8 % составляют юноши, 48,2 % – девушки.

Характеристики выборки: все респонденты – коренные жители Ар-

мении, постоянно проживающие в Армении, по национальности – армяне, чей родной язык – армянский. Возраст респондентов – от 18 до 25 лет, из которых 51,8 % составляют респонденты от 18 до 20 лет и 48,2 % – это студенты от 21 до 25 лет. Средний возраст исследуемых – 20,68 лет. Соотношение столичных и региональных жителей: из общего числа респондентов 51,8 % – это жители столицы, 48,2 % – жители регионов. Семейное положение: из общего числа исследуемых 85,6 % составляют неженатые, а 14,4 % – женатые люди. Профессиональная область знаний: из общего числа исследуемых 86,3 % изучают гуманитарные, 13,7 % – точные науки. Год обучения: из общего числа студентов 82 % составляют студенты бакалавриата, 18 % – это студенты магистратуры. В выборке представлены студенты различных вузов Армении. Мы сопоставили результаты двух методик и выявили представления респондентов о национальном идеале в ракурсе ответов опросника. По результатам исследования наблюдаются несущественные различия в оценке качеств, которые наиболее характерны для идеального армянского мужчины, оцениваемые респондентами обоего пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее: доминируют качества «верность дружбе» (4,70 – в оценке юношей, в оценке девушек – 4,62), «ответственность» (4,57–4,59), «добродота» (4,64–4,50), «уважение к старшим» (4,56–4,50), «оптимизм» (4,68–4,32). Результаты

исследования качеств, наименее характерных для идеального армянского мужчины, у респондентов, испытывающих положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее, говорят о том, что респонденты в меньшей степени в идеале наделяют такими качествами, как «надежда на «авось» 1,68–1,62, «стремление к «халяве» 1,67–1,15, «наивность (0,86–1,82), «лень» (0,73–1,09), «наглость» (0,36–0,94), «склонность к вранью» (0,86–1,09), «грубость» (0,89–1,09). Очевидно единодушие в оценках: набор негативных личностных качеств диссоциируется с положительным отношением к своей Родине. Совершенно противоположная картина наблюдается в оценке юношами и девушками. Хотя присутствует такое качество, как «ответственность», но доминирует отсутствующие в наборе качеств респондентов с положительными ощущениями от проживания в Армении. Как показывают результаты, преобладают следующие качества: «храбрость» (4,3–5,00), «выдержка» (4,29–5,00), «оптимизм» (4,57–4,33), «самостоятельность» (4,43–4,67).

Как показывают результаты исследования качеств, которые наиболее характерны для идеальной армянской женщины, оцениваемые респондентами обоего пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее, идеальная армянская женщина в представлениях армянской молодежи, вне зависимости от испытываемых ощущений, наделена

качествами: «оптимизм» – 4,73–4,41 «верность дружбе» – 4,64–4,41, «ответственность» – 4,59–4,59, «уважение к старшим» – 4,58–4,47. Среди доминирующих качеств в образе идеальной армянской женщины с негативными ощущениями в Родине наблюдается тот же набор черт: «доброта» – 4,57– 5,00, «оптимизм» – 4,29–4,67 и др. похожие качества. Наименее выраженные качества в оценке идеальной армянской женщины, которая испытывает положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желает покинуть ее, максимально схожи: «лень» – 0,66–1,03, «грубость» – 0,64–0,91.

Представления армян-респондентов о типичном армянском мужчине незначительно отличаются от образа идеального мужчины вне зависимости от испытываемых ощущений к Родине и своих намерений проживания в ней: доминируют «верность дружбе» – 4,68–4,26, «уважение к старшим» – 4,44, «самостоятельность» – 4,33. Качества, которые наименее характерны для типичного армянского мужчины, отмеченные респондентами обоих полов, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее, характеризуются близким по структуре набором качеств: «лень», «наглость», «наивность», «грубость», «вороватость».

Представления армянских молодежи о типичной армянской женщине: качества, которые наиболее характерны для типичной армянской женщины, отмеченные ре-

спондентами обоего пола, которые испытывают различные ощущения от проживания в Армении и желают связывать перспективу своей дальнейшей жизни с Родиной, максимально близки по своей выраженности: «доброта», «уважение к старшим», «ответственность», «оптимизм». В целом, отличие идеальной женщины от типичной заключается лишь в одном качестве – «эмоциональность». Качества, которые наименее характерны для типичной армянской женщины, отмеченные респондентами обоего пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и желают связывать перспективу своей дальнейшей жизни с ней, свидетельствуют о наименее харак-

терных качествах типичной армянской женщины, отмеченные респондентами обоего пола, которые испытывают как положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее, так и негативные ощущения от проживания в Армении и не желают связывать перспективу своей дальнейшей жизни с ней. Результаты являются идентичными и неприемлемы в оценке образа идеальной женщины. Это следующие качества: «грубость», «наглость», «вороватость», «лень».

Представления респондентов о себе в этнокультурном контексте – качества, наиболее характерные для «Образа-Я» юношей и девушек, представлены в таблице 1 и 2.

Таблица 1.

«Образ Я» в сравнении с образом типичного и идеального мужчины, отмеченные респондентами мужского пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее

Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами идеального мужчины	Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами типичного мужчины
Характерные качества: 1. Верность дружбе 2. Гостеприимство 3. Добросовестность 4. Доброта 5. Дружелюбие 6. Находчивость 7. Оптимизм 8. Ответственность 9. Отзывчивость 10. Патриотизм 11. Религиозность 12. Решительность 13. Самостоятельность 14. Сдержанность 15. Сила	Характерные качества: 1. Верность дружбе 2. Гостеприимство 3. Добросовестность 4. Доброта 5. Дружелюбие 6. Находчивость 7. Оптимизм 8. Ответственность 9. Отзывчивость 10. Религиозность 11. Решительность 12. Самостоятельность 13. Сдержанность 14. Сила 15. Склонность к риску

16. Склонность к риску 17. Тактичность 18. Уважение к старшим 19. Упрямство 20. Храбрость 21. Чувство юмора	16. Тактичность 17. Уважение к старшим 18. Упрямство 19. Храбрость 20. Чувство юмора
Нехарактерные качества: 1. Вороватость 2. Высокомерие 3. Грубость 4. Жесткость 5. Лень 6. Мечтательность 7. Наглость 8. Надежда на «авось» 9. Наивность 10. Практичность 11. Склонность к вранью 12. Сопереживание 13. Стремление к «халяве» 14. Стремление к шумному веселью	Нехарактерные качества: 1. Вороватость 2. Высокомерие 3. Грубость 4. Лень 5. Наглость 6. Наивность 7. Практичность 8. Склонность к вранью 9. Сопереживание 10. Стремление к шумному веселью

Таблица 2

«Образ Я» в сравнении с образом типичной и идеальной армянской женщины, отмеченные респондентами женского пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее

Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами идеальной женщины:	Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами типичной женщины:
<u>Характерные качества:</u> 1. Верность дружбе 2. Взаимовыручка 3. Гостеприимство 4. Готовность помочь 5. Добродушие 6. Добросовестность 7. Доброта 8. Дружелюбие 9. Любовь к порядку 10. Оптимизм 11. Ответственность 12. Отзывчивость 13. Терпение 14. Трудолюбие 15. Уважение к старшим	<u>Характерные качества:</u> 1. Гостеприимство 2. Уважение к старшим 3. Эмоциональность
<u>Нехарактерные качества:</u> 1. Агрессивность 2. Вороватость 3. Высокомерие	<u>Нехарактерные качества:</u> 1. Агрессивность 2. Вороватость 3. Грубость

4. Грубость 5. Лень 6. Наглость 7. Надежда на «авось» 8. Пристрастие к алкоголю 9. Равнодушие 10. Склонность к вранью 11. Совершает одни и те же ошибки 12. Стремление к «халяве» 13. Стремление к шумному веселью 14. Тяжелы на подъем» 15. Честолюбие 16. Эгоизм	4. Наглость 5. Пристрастие к алкоголю 6. Стремление к «халяве»

Итак, обобщая и сопоставляя данные проведенных методик, можно констатировать, что представление респондентов о себе в этнокультурном контексте в оценке «Образа-Я» в сравнении с образом типичного и идеального человека, отмеченные респондентами обоого пола, которые испытывают положительные ощущения от проживания в Армении и в перспективе не желают покинуть ее, приводят к интересным выводам.

1. Как показали результаты исследования респондентов, ядро этнической нормативности респондентов-армян составляют качества, связанные с открытостью и заботой о других: верность дружбе, гостеприимство, оптимизм, ответственность. Важной составляющей этнокультурного идеала является также патриотизм. Еще одной общей чертой этнокультурного идеала исследуемых групп является качество: уважение к старшим, лежащее в основе сохранения этнокультурной идентичности.

2. В титульном армянском этносе представления респондентов о типичной армянской женщине и мужчине близки по содержательным характеристикам представлениям об идеальном армянине. В оценке мужчины доминируют качества: верность дружбе (4,52), уважение к старшим (4,29), религиозность (4,29), дружелюбие (4,20), самостоятельность (4,19), в оценке женщин превалируют качества: дружелюбие (4,37), сила (4,24), верность дружбе (4,22), гостеприимство (4,13), гордость (4,07), храбрость (4,0). Отвергаемыми и низко оцениваемыми качествами типичного армянского мужчины являются наглость (1,16), наивность (1,28), грубость (1,43), в оценках женщин – умение посмеяться над собой (1,82), мечтательность (1,82), застенчивость (1,91).

3. В оценке типичной армянской женщины у мужчин доминируют качества тактичность (4,22), эмоциональность (4,19), доброта (4,19), оптимизм (4,12), религиозность (4,09); в оценках женщин –

гостеприимство (4,34), уважение к старшим (4,04). Наблюдается практически полное совпадение в оценках юношей и девушек отвергаемых качеств: наглость (0,46–0,39), грубость (0,72–0,75), вороватость (0,84–0,34).

4. К элементам «Образа Я», в которых нет значимых различий с качествами идеального и типичного мужчины, относятся качества: верность дружбе, добросовестность, доброта, настойчивость, находчивость, ответственность, религиозность, решительность, самостоятельность, сдержанность, сила, склонность к риску, тактичность, уважение к старшим, упрямство, а также отвергаемые качества: грубость, лень, наглость. Значимых различий в представлении о себе и образе типичного мужчины нет при оценке отвергаемых качеств: вороватость, высокомерие, наивность.

В женской выборке элементы «Образа Я», в которых нет значимых различий с качествами идеальной и типичной женщины, составляют качества: гостеприимство, уважение к старшим – и отвергаемые качества: вороватость, наглость, стремление к «халяве», грубость. К качествам, в оценке которых нет значимых различий «Образа-Я» с качествами идеальной женщины, респонденты отнесли: верность дружбе, взаимовыручка, готовность помочь, добродушие, добросовестность, доброта, дружелюбие, искренность, любовь к порядку, оптимизм, ответственность, отзывчивость, работоспособность, трудолюбие, ум.

Как показали результаты эмпирического исследования, гипотеза подтвердилась частично.

** Работа выполнена в рамках программы развития РАУ по теме: «Осмысление национальной идентичности как фактора обеспечения общественного прогресса».*

Библиографический список

1. Berberjan A. S., Tuchina O. R. Issledovanie osobennostej samointerpretacii lichnosti v raznyh jetnicheskikh obshhnostjah // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. Nauchno-informacionnyj zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 84–101.
2. Крысько В. Г., Саракуев Э. А. Введение в этнопсихологию. – М., 2001
3. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999.
4. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 35–48.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.
6. Berberyan A. S., Berberyan H. S. Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. – 2016. – 9(1). – P. 121–137.

Bibliograficheskiy spisok

1. Berberjan A. S., Tuchina O. R. Issledovanie osobennostej samointerpretacii lichnosti v raznyh jetnicheskikh obshhnostjah // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. Nauchno-informacionnyj zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 84–101.

2. Krys'ko V. G., Sarakuev Je. A. Vvedenie v jetnopsihologiju. – M., 2001.
3. Lebedeva N. Vvedenie v jetnicheskiju i kross-kul'turnuju psihologiju. – M., 1999.
4. Stefanenko T. G. Individual'nye strategii konstruirovaniija jetnicheskoj identichnosti // Identichnost' i tolerantnost' / pod red. N. M. Lebedevoj. – M. : Institut jetnologii i antropologii RAN, 2002. – S. 35–48.
5. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis: per. s angl. 2-e izd. – M. : Flinta: MPSI: Progress, 2006. – 352 s.
6. Berberyan A. S., Berberyan H. S. Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. – 2016. – 9(1). – R. 121–137.

© Берберян А. С., 2016.

УДК 159.95

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

С. Н. Никишов
И. С. Осипова
Е. Г. Пронькина

*Доцент
доцент
студентка
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск
Республика Мордовия, Россия*

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY: VERBAL TECHNIQUES OF MEMORIES EXPRESSION

S. N. Nikishov
I. S. Osipova
E. G. Pronkina

*Assistant professor
assistant professor
student
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,
Saransk
Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. Autobiographical narrative is considered in the article as the verbal form of the psychological state expression. The wide range of verbal acts which person uses for preparation and transmission of information about own psychological state is thought of as the expression of psychological state. The goal of this process is getting of confirmation from the other person. The expression of psychological state is realized by use of different techniques including the simple techniques such as the expression using categories of sensation and perception, memory, imagining, thinking, attention, emotions and feelings, needs (wishes), will, actions and acts of communication. Findings of verbal techniques of autobiographical memories expression are presented in the article.

Keywords: autobiographical memory; autobiographical narrative; expression of the psychological state; verbal techniques; memories.

На сегодняшний день весьма актуальными являются исследования автобиографической памяти, «особой высшей мнемической функции, организованной по смысловому принципу, оперирующей с личностно отнесенным опытом, обеспечивающей формирование субъективной истории жизни и переживания

себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути» [2, с. 74]. Базовой формой объективного существования автобиографической памяти выступает автобиографический рассказ.

В данной работе мы будем рассматривать автобиографический рассказ, как вербальную форму вы-

ражения психического состояния, самораскрытия. По сути, мы будем иметь в виду воспроизведение каких-то личностно значимых событий из прошлого, адресованное Другому (воспроизведение автобиографических историй «для других»).

Выражение психического состояния является одной из важнейших функций общения и, одновременно, одной из личностных потребностей, человека. Она актуализируется в личностно значимых ситуациях и выражается в актах представления Другому (Другим) содержания собственной психической жизни (мыслей, чувств, эмоциональных переживаний, сомнений, желаний и т.п.), которые ориентированы на получение подтверждения и принятия со стороны Другого (Других). Выражение психического состояния осуществляется с помощью многочисленных приемов и способов. Основу речевых форм выражения психического состояния составляют, как правило, простые способы: выражение с помощью категорий ощущения и восприятия; памяти; воображения; мышления; внимания; эмоций и чувств; потребностей (желаний); воли; действий и актов общения [3; 4].

В эмпирическом исследовании по изучению речевых способов выражения автобиографических воспоминаний, приняли участие 48 человек (32 девушки и 16 юношей) в возрасте от 17 до 23 лет. Испытуемым были предложены две методики: методика свободного воспроизведения событий и методика «Опосредованная самопрезентация» К. М. Романова [1; 4].

Сначала респондентам предлагалось вспомнить и записать (с присвоением порядкового номера) тридцать наиболее запомнившихся событий из их жизни, а затем написать мини-сочинения в виде писем, в которых необходимо рассказать (поделиться с адресатом своими мыслями, чувствами, переживаниями и другими элементами психической жизни) о своем воспоминании под первым номером, а также о своем воспоминании под номером тридцать в списке свободного воспроизведения событий.

Сочинения испытуемых обрабатывались с помощью контент-анализа, единицей которого было смысловое суждение, которое могло включать от одного слова до нескольких предложений. Все суждения были подразделены на субъектные и объектные. В субъектных суждениях дается характеристика самого автора сочинения – субъекта: его мыслей, желаний, переживаний и других субъективных образований. Кроме того, сюда же мы отнесли и суждения, отражающие всевозможные действия, поступки, речевые высказывания и другие внешние выражения субъекта. Все оставшиеся суждения были отнесены к группе объектных. Они характеризуют не рассказчика – субъекта, а другого человека или окружающую реальность. Далее мы подсчитывали количество субъектных и объектных суждений и анализировали способы выражения автобиографических воспоминаний.

Прежде всего, отметим, что процесс выражения внутреннего мира человека, в том числе и воспроизведе-

дения воспоминаний, всегда представляет значительные трудности, которые связаны как с внутриличностными барьерами: «Я не люблю ворошить прошлое...», так и с недостаточным уровнем развития умений выразить собственный мир: «Сложно передать это словом, но я попробую...» Следует сказать, что современные люди часто сталкиваются с подобными проблемами. Важность специально организованного обучения, которое позволит не только формировать навыки выражения психических состояний, но и будет способствовать повышению психологической культуры, сегодня не вызывает сомнений [4; 5].

Испытуемые описывают в большинстве случаев положительные события. В двух сочинениях представлено 96 событий, из которых 73 события (76 %) эмоционально положительно окрашены, 14 (15 %) – отрицательно, 9 (9 %) – нейтрально.

Рассмотрим результаты контент-анализа сочинений испытуемых.

В результате обработки сочинений, в которых повествуется о воспоминаниях под первыми номерами, было выделено 613 (351 субъектное и 262 объектных) смысловых суждений. Ведущее место у испытуемых занимают речевые способы выражения с помощью категорий действий и актов общения – 137 (39,9 %); второе место – речевые способы выражения с помощью категорий эмоций и чувств – 89 (25,4 %); третье – речевые способы выражения с помощью категории мышления – 46 (13,1 %); четвертое – речевые способы выражения с помощью категории памяти –

37 (10,5 %); на пятом – речевые способы выражения с помощью категорий потребностей (желаний) – 19 (5,4 %). Все остальные категории представлены незначительно (от 0 до 5 %).

В результате обработки сочинений, в которых повествуется о воспоминаниях под тридцатыми номерами, было выделено 423 (280 субъектных и 143 объектных) смысловых суждения. Ведущее место у испытуемых занимают речевые способы выражения с помощью категорий действий и актов общения – 119 (42,5 %); второе место – речевые способы выражения с помощью категорий эмоций и чувств – 73 (26,1%); третье – речевые способы выражения с помощью категории мышления – 33 (11,8 %); четвертое – речевые способы выражения с помощью категории памяти – 26 (9,3 %); на пятом – речевые способы выражения с помощью категорий потребностей (желаний) – 16 (5,7 %). Все остальные категории представлены незначительно (от 0 до 5 %).

При сопоставлении с результатами других исследований, в которых изучались способы выражения внутреннего мира человека в речевом общении, обращает на себя особое внимание то, что категория памяти представляется в них незначительно (в среднем испытуемые ее используют в 2,8% случаях) [3].

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-36-01038.*

Библиографический список

1. Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г. К вопросу о влиянии психологического благополучия на функционирование автобиографической памяти студентов // *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*. – 2016. – № 2 (34). – С. 104–111.
2. Нуркова В. В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // *Развитие личности*. – 2010. – № 1. – С. 74–92.
3. Осипова И.С. Вербальные способы выражения психического состояния в юношеском возрасте: автореф. дис. ...канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 24 с.
4. Романов К. М., Осипова И. С. Основные речевые способы выражения психического состояния // *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*. – 2008. – № 7. – С. 270–272.
5. Тараскина И. В. Необходимые условия повышения качества образования // *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*. – 2009. – №8. – С. 199–201.

Bibliografickij spisok

1. Nikishov S. N., Osipova I. S., Pron'kina E. G. K voprosu o vlijanii psihologicheskogo blagopoluchija na funkcionirovanie avtobiograficheskoj pamjati studentov // *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija*. – 2016. – № 2 (34). – S. 104–111.
2. Nurkova V. V. Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebja, rasskazyvat' soboj: avtobiografickij narrativ s pozicij kul'turno-dejatel'nostnogo podhoda // *Razvitie lichnosti*. – 2010. – № 1. – S. 74–92.
3. Osipova I.S. Verbal'nye sposoby vyrazhenija psihicheskogo sostojanija v junosheskom vozraste: avtoref. dis. ...kand. psihol. nauk. – Moskva, 2009. – 24 s.
4. Romanov K. M., Osipova I. S. Osnovnye rechevye sposoby vyrazhenija psihicheskogo sostojanija // *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija*. – 2008. – № 7. – S. 270–272.
5. Taraskina I. V. Neobhodimye uslovija povyshenija kachestva obrazovanija // *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija*. – 2009. – №8. – S. 199–201.

© *Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г., 2016.*

TRENDY V SOCIÁLNÍ PSYCHOLOGII

UDC 616-058:314.6:316.47-055.26-053.6

FAMILY AND EARLY MOTHERHOOD PROBLEMS

E. V. Semeleva
M. R. Sadreeva

Candidate of Medical Sciences
student
Mordovia National Research state
university named after N. P. Ogarev
Institute of medicine
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Abstract. Contraceptive culture and contraceptive behaviour of youth are discussed by increasing number of researchers nowadays. Russia has a world lead in the amount of abortions. Today young mothers make one of the youth risk groups, and contrary to the past they more and more estrange themselves from the parent's family, school, macro- and microenvironment in whole. Early sex life start of Russian teenagers happens in quite specific conditions – low contraceptive culture, few special medical, consultative, psychological services and programs of sexual education for teenagers. The early entry of children and adolescents in the sex life becomes an insoluble problem in our society.

Keywords: teen pregnancy rate; contraceptive behaviour, abortion.

Teenage pregnancy and motherhood problem in the early age is of the most immediate interest not only in Russia, but in many world countries, because the increase of teenage pregnancy and childbirths rate is registered everywhere, and this fact raises a serious concern of the society. A lot of researches [2; 3; 4] were devoted to contraceptive and reproductive behaviour of girls-teenagers and early mothers according to which families of early mothers are referred to extremely disadvantaged ones and are included in the medico-social risk group. However, they can not be considered as united disadvantaged totality only because the fact that a minor mother gave birth to a child. This contingent is very diverse

including several groups – either disadvantaged, or quite successful.

Purpose and objectives of the research: to find out patterns of contraceptive and reproductive behaviour of teenaged girls and early mothers in Republic of Mordovia, to study abundance of contraceptives in use and reasons for refusal from them.

The inquiry was held within the period from September 2015 till March 2016 in maternity welfare centers of Mordovia (Budgetary Public Health Facility in Republic of Mordovia “Atyashevo Central District Hospital”, Budgetary Public Health Facility in Republic of Mordovia “Kochkurovo District Hospital”, Budgetary Public Health Facility in Republic of Mordo-

via “Lyambir Central District Hospital”, Budgetary Public Health Facility in Republic of Mordovia “Ruzaevka Central District Hospital” and Budgetary Public Health Facility in Republic of Mordovia “Romodanovo Central District Hospital”) by self-reporting of the questionnaire in the presence of the survey taker.

With the help of this questionnaire survey the contraceptive behaviour of 178 girls aged from 17 to 25 years old – teenagers and early mothers were investigated. The participants were divided in the following way:

- 1st group – minor pregnant girls of 17–18 years old, who decided to continue pregnancy (n = 5);
- 2nd group – minor pregnant girls of 17–18 years old, who terminated pregnancy (n = 14);
- 3rd group – pregnant girls of 19–24 years old (n = 54);
- 4th group – non-pregnant girls of 19–24 years old (n = 63)
- 5th group – young women after childbirth 17–24 years old (n = 42).

Childbirth in the adolescence age is notable for more frequent development of different complications: abnormalities of childbirth activity, untimely discharge of amniotic fluid, bleeding in labour and in the fourth stage of labour, injuries of soft birth canals, postnatal diseases. High percentage of complications in labour of minor girls with the first childbirth is connected with the absence of maturational readiness of body for the childbirth and may be caused by functional immaturity of placenta [1]. Besides age features, aggravated somatic and gynecologic history, feto-maternal disease, negative social and hygiene factors in-

fluencing on pregnancy and childbirth are of great importance. Complications during and after childbirth require mobilization of all internal reserves of the mother’s body to compensate possible pathological conditions, but compensation abilities of teenagers are reduced because of body functional immaturity.

6,1 % of respondents among girls began their sex life at 13, 10,3 % – at 14, 25,4 % – at 15, 27,3 % – at 16, 18,2 % – at 17, 12,7 % – at 18. The average age of girls-teenagers and early mothers who started their sex life is 15 years old. 73,3 % of respondents had one sexual partner, 11,4 % – two, 5,6 % – three, the rest – more than three.

Among respondents ineffective means of contraception are the most popular (54,3 %): interrupted sexual act (20,2 %), “secure” days calculation (16,7 %), spermicides (12,3 %), vaginal douching (5,1 %). 31,6 % of respondents mentioned a sheath as a means of contraception. 8,2 % of respondents do not use any means of contraception. Hormonal contraceptives were used by 3,7 % of girls of 17–24 years old, participated in the research.

In 65,2 % of cases a baby was conceived accidentally, 33,5 % of girls planned their pregnancy, in individual cases (1,3 %) impregnation resulted from wrong use of means of contraception.

Response analysis was aimed to reveal motivation of refusal from contraception use. The most frequent reason – “trust to each other” – girls believed that their partner either prevented probable consequences or married

them. The second motive was that means of contraception are harmful.

The analysis of social hygienic features of parents' families of respondents was of profound interest because it is widely thought that nuclear families have significantly less risk factors for their members' activity than incomplete ones. It has been shown that early motherhood problem became typical in 82,3 % of cases for nuclear and objectively successful families with on child in 33,4 % cases. 42,1 % of early mothers were from workers' families, 26,2 % – from employees' families, the rest of respondents had parents from mixed social groups. Educational level of respondents' parents was not very high – only 28,5 % of parents had higher education, nearly 56,8 % – secondary and vocational education, the rest – mixed education (one parent with secondary education, another – with higher education, etc.).

It is important to note that 76,2 % of early mothers were married, 16,3 % of respondents were single mothers and 7,5 % of girls lived with a partner. Complexity of the teenaged family problem is specified by the fact that 47,8 % of early mothers participated in the research were students. Among those who studied before their pregnancy only 41,2 % of girls continue education after childbirth, 39,7 % of respondents interrupted their training, and the rest 19,1 % of early mothers terminated their study.

Medical and social help should be rendered either individually or to the family of an early mother, among her nearest environment. Rational use of contraception during teenage years will significantly reduce perinatal and

maternal mortality rate, decrease the quantity of high risk childbirths, raise the health index of girls-teenagers, decline the level of teenagers' neurotization, improve life quality.

Библиографический список

1. Беременность в подростковом возрасте. Счастье или проблема? [Электронный ресурс]: URL <http://love-mother.ru/stati/beremennost-i-rody/beremennost/beremennost-v-podrostkovom-vozhaste-schaste-ili-problema/> (Дата обращения 09.01.2016 г.)
2. Проблемы ранней беременности [Электронный ресурс]: URL <http://www.materinstvo.ru/art/6230> (Дата обращения 19.11.2010 г.)
3. Семелева Е. В. Анализ распространенности курения среди беременных женщин и организации стоматологической помощи // Social and economic development and quality of life: history and modern times: materials of the V international scientific conference on March 15–16, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 96–98 p.
4. Семелева Е. В. Оценка качества медицинской помощи // Social and economic problems of modern society: materials of the V international scientific conference on June 1–2, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 65–67 p.

Bibliography

1. Beremennost' v podrostkovom vozraste. Schast'e ili problema? [Jelektronnyj resurs]: URL <http://love-mother.ru/stati/beremennost-i-rody/beremennost/beremennost-v-podrostkovom-vozhaste-schaste-ili-problema/> (Data obrashhenija 09.01.2016 g.)
2. Problemy rannej beremennosti [Jelektronnyj resurs]: URL <http://www.materinstvo.ru/art/6230> (Data obrashhenija 19.11.2010 g.)

3. Semeleva E. V. Analiz rasprostranennosti kurenija sredi beremennyh zhenshin i organizacii stomatologicheskoj pomoshhi // Social and economic development and quality of life: history and modern times: materials of the V international scientific conference on March 15–16, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 96–98 p.
4. Semeleva E. V. Ocenka kachestva medicinskoj pomoshhi // Social and economic problems of modern society: materials of the V international scientific conference on June 1–2, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 65–67 p.

© Semeleva E. V., Sadreeva M. R., 2016.

DISKURZY PEDAGOGICKÉ PSYCHOLOGIE

УДК 159.9

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С МИРОМ ПРИРОДЫ В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА АДЫГОВ

А. А. Афашагова

*Кандидат педагогических наук, доцент
Адыгейский государственный
университет
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

PSYCHO-PEDAGOGICAL POTENTIAL OF INTERACTION
WITH THE NATURAL WORLD IN THE CONTEXT OF ETHNIC
AND CULTURAL EXPERIENCE OF THE CIRCASSIANS

A. A. Afashagova

*Candidate of psychological Sciences
assistant professor
Adyghe State University
Maikop, Republic of Adygea, Russia*

Abstract. The article describes the results of experimental studies: the interaction of the natural world has a considerable psychological and pedagogical potential, which is revealed in the following features outlined in science: psychophysiological, psychotherapy, rehabilitation, aesthetic, cognitive, communication function, self-function, to meet the competency requirements. Under the natural world, we mean a set of specific natural objects, taken in their unity and uniqueness (pet dog, parrot, orchid on the window). In the context of ethno-cultural experience Circassians traceable ancestors of the Circassians awareness of psycho-pedagogical potential of interaction with the natural world, confirmed by the legends of folklore.

Keywords: psychological and pedagogical potential; the natural world; the function of communication with him.

Влияние природной среды на общество, очевидно, оно определяет в значительной степени специфику и особенности культурного развития. Первые цивилизация (Египет, Междуречье, Древняя Индия, Древний Китай) развивались вдоль крупных рек, без которых было бы

невозможно земледелие. Природные условия самым существенным образом повлияли и на исторические судьбоносные события. Так, золотые запасы земель инков сослужили им плохую службу во время колонизации Америки. Тонкий лед Чудского озера помог русским

победить над рыцарями Тевтонского ордена. Островное положение Англии позволили ей избежать во второй мировой войне участи других европейских стран. Причиной изживания из региона Северо-Западного Кавказа и трагического уничтожения, многочисленных в прошлом адыгских племен, не в последнюю очередь, стала выгодное физико-географическое положение ландшафта и его благоприятные природно-климатические условия. Засушливый климат Средней Азии способствовало возникновению там особой культурной традиции чайных церемоний.

Впервые психологический анализ отношения личности к природе и животным был предпринят в работах А. Ф. Лазурского. Его идеи продолжил В. Н. Мясищев. Психолого-педагогический потенциал, заложенный во взаимодействии с миром природы, был предметом исследования отечественных и зарубежных ученых (Е. Антонова, С. Дерябо, А. Кэтчер, Э. Кейн, М. Робин, А. Лаврин, В. Ясвин и др.) [по 3].

В психолого-педагогической литературе выделяются следующие функции, заложенные во взаимодействии с миром природы (мир природы – это совокупность конкретных природных объектов, взятых в их единстве и неповторимости – любимая собака, попугайчик, орхидея на окне):

– **психофизиологическая функция.** Она заключается в том, что взаимодействие с животными и растениями может снимать стресс, нормализовать работу нервной си-

стемы, психики в целом, укрепляет иммунитет. Еще Гиппократ отмечал, что раненные, скачущие на лошади быстрее выздоравливали, чем те, которые лежали на койке;

– **психотерапевтическая функция.** Взаимодействие с животными может существенным образом способствовать гармонизации межличностных отношений.

С помощью методики «Кинетический рисунок семьи» изучалось влияние домашних животных на восприятие ребенком психологического климата в семье, которая позволяет диагностировать пять симптомокомплексов: благоприятная семейная ситуация, конфликтность, тревожность, чувство неполноценности, враждебность.

Брались семьи, где было какое-либо животное и где их не было. Результаты эксперимента оказались тревожными. В первой группе двое из каждых трех протестированных подростков воспринимают семейную обстановку как благоприятную, 98 % из второй группы – как неблагоприятную. Тревожность и конфликтность в семьях, где содержатся животные, существенно ниже. В семьях, где есть животные, процент детей с относительно высокими показателями чувства неполноценности и враждебности оказался вдвое ниже, чем в семьях, где животных не содержат.

Не случайно, когда в семье складываются отчужденные отношения, психотерапевты иногда рекомендуют завести какое-либо животное. У супругов или родителей и детей, которые затрудняются найти общую тему для общения, появляется воз-

возможность общаться друг с другом по поводу своего питомца, которая перерастает в межличностное общение по поводу самих себя;

– **реабилитационная функция.**

Контакты с животными и растениями являются тем дополнительным каналом взаимодействия личности с окружающим миром, который может способствовать как психологической, так и социальной ее реабилитации. Этот аспект особо актуален для людей, подвергнутых тому или иному виду депривации. Шокируют данные эксперимента, проведенных с детьми: 1) из благополучных семей; 2) находящихся в исправительных заведениях; 3) в психиатрических лечебницах.

Свое любимое животное называют «единственным существом, которое можно любить» 29 % (!) детей из благополучных семей, 47 % – из исправительных заведений, среди пациентов психиатрических больниц – 61 %! Двум из трех подростков с психическими отклонениями животные дают то, что им не могут дать родные и близкие люди.

Как показывают наблюдения, ребенок, обладающий каким-либо животным, реально повышает свой статус среди сверстников. Проблемы, возникающие в связи с его содержанием, становятся катализатором общения с другими детьми и взрослыми, что также способствует реабилитации депривированного ребенка;

– **эстетическая функция.** Контакты с миром природы развивают чувственное восприятие, вкусы человека, представляют условия и возможности удовлетворять его эс-

тетические потребности; не случайно, что люди приобретают, содержат в этих целях растения и животных, не приносящих им прагматической пользы;

– **познавательная функция.**

Общение с миром природы способствует развитию познавательного интереса. Как показывают наблюдения, некоторые ученики, имеющие трудности в учебе, которые, в конце концов, приводили к внутреннему отказу от нее, резкому снижению самооценки и даже личностному кризису, с помощью взаимодействия с природой получали возможность решить свои проблемы. Необходимость ухода за своим животным или растением приводила их к поиску соответствующей информации, интересоваться сопутствующими вопросами, так возникла своего рода «иррадиация интереса», формировалась общая познавательная мотивация;

– **функция удовлетворения потребности в компетентности.** Потребность в компетентности, выражаемая формулой «я могу», является одной из важнейших потребностей человека. Чем большее количество сфер деятельности «отмечено» его компетентностью, тем выше самооценка человека, благоприятнее «образ Я». Неслучайно для подростков характерна частая смена увлечений, происходит своеобразное «примеривание» разных видов деятельности в поиске тех, в которых они могут быть компетентными;

– **функция самореализации.** Как показали исследования ученых (Маслоу, Петровский и др.) одной из важнейших потребностей чело-

века является потребность в реализации своего внутреннего потенциала, потребность быть значимым для других. Невозможность самореализации приводит к глубочайшему личностному кризису. Взаимодействие с природой позволяет удовлетворить эту потребность в квазиформе. Когда ребенок, например, мастерит скворечник, устраивает аквариум, он выступает в роли творца, демиурга, «вершителя судеб», ребенок создает «свой мир», мир, в котором он сам обладает абсолютной властью. Не находя возможности самореализации в социальном взаимодействии, он реализуется в созданном им собственном «мире»;

– **функция общения.** Одна из важнейших функций, которую могут осуществлять животные, и даже растения в процессе взаимодействия с ними человека – функция партнеров по общению. В исследовании, в котором опрашивалось более 4 тыс. владельцев собак, были получены следующие результаты: 98 % обследованных доверяют животным свои тайны, 60 % обсуждают с ними свои проблемы, как с советчиками или исповедниками, 48 % относятся к ним как к судьям или моральным авторитетам, почти 90 % владельцев уверены, что собака чувствует их настроение, 60 % людей отмечают день рождения своего любимца, каждый второй хранит его фотографию. Опрос школьников дал сходные результаты.

Убедительные данные были получены в эксперименте, посвященном изучению круга «значимых других» у школьников с 7 до 18 лет.

Им предлагалась максимально свободная, исключая какую-нибудь «подсказку» инструкция: «Напишите круг ваших «значимых других». «Значимые другие – это мир, с которым вы общаетесь, который влияет на вас, от которого вы черпаете силы. Это может быть кто угодно или что угодно». Оказалось, в ответах школьников животные встречались существенно чаще, чем многие родители, близкие родственники и учителя. Во второй части эксперимента предлагалось определить степень психологической близости с внесенными ими в список «значимыми другими». Показатель психологической близости с природными объектами оказался выше, чем со всеми «значимыми другими» – выше матери, отца и ближайшего друга [3]!

Этнокультурный опыт адыгов (черкесов), созданный на протяжении своей многовековой истории – это феноменальная система традиций и обычаев, которая тысячелетиями служила верным ориентиром поддержания гармонии во взаимоотношениях со средой обитания, воспитания физически здорового, высоконравственного молодого поколения [1], регулирования всей гаммы взаимоотношений людей в общественной и семейной жизни. Важнейшие принципы адыгского этикета (Адыгэ хабзэ), его требования похожи на многие положения норм международной дипломатии и международного права [4].

Показательно то, что в контексте этнокультурного опыта адыгов прослеживается осознание предками адыгов психолого-педагогического

потенциала взаимодействия с миром природы. В содержании эпоса «Нарты» встречаются такие сказания. В силу обстоятельств надо было Шабатныко, героя эпоса, воспитывать с детства в тайне от людей и даже отца. Его содержали в землянке и вместе с ним поместили коня, двух собак, двух орлов, которых со временем он приручил. Когда пришло время Шабатныко, удивляя всех, вышел в свет в сопровождении кружащихся на земле собак, на небе – орлов, которые ловили вспугиваемых собаками дичь [2].

Таким образом, ребенок, подвергнутый определенной депривации, получил соответствующий психолого-педагогический коммуникативный опыт. Когнитивно-аффектный компонент данного аспекта заключается в том, что потенциал, заложенный в использовании обозначенного воспитательного средства, в европейской культуре стали рассматриваться намного позже.

Взаимодействие с природой обладает значительным психолого-педагогическим потенциалом. Но проблема заключается в том, что без готовности личности его «видеть», без соответствующей внутренней активности он так и остается потенциалом. Чтобы потенциал стал осуществившейся возможностью, нужна его педагогическая актуализация.

Задача заключается в том, чтобы применяя в педагогической деятельности традиционные и инновационные формы и методы, следует акцентировать те средства, которые дают возможность систематическо-

го «погружения» обучающихся в природу. Опыт работы со студентами подтверждает эффективность организации различных видов наблюдений, особенно систематической фенологической работы, подведение итогов, когда студенты пробуют самовыражаться рассказами, стихами, рисунками, проведение занятий на лоне природы, тематические экскурсии, при которых есть возможность задействовать все органы чувств восприятия окружающего мира.

Библиографический список

1. Афашагова А. А. Профессиональная этика в психолого-педагогической деятельности. Учебное пособие. Адыгейский государственный университет. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 187 с.: ил.
2. Гадагатль А. М. Память нации. Генезис эпоса «Нарты». – Майкоп, 1997.
3. Дерябо С. В, Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону, 1996.
4. Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик, 1997.

Bibliograficheskiy spisok

1. Afashagova A. A. Professional'naja jetika v psihologo-pedagogicheskoj dejatel'nosti. Uchebnoe posobie. Adygejskij gosudarstvennyj universitet. – M.; Berlin : Direkt-Media, 2014. – 187 s.: il.
2. Gadagatl' A. M. Pamjat' nacji. Genezis jeposa «Narty». – Majkop, 1997.
3. Derjabo S. V, Jasvin V. A. Jekologicheskaja pedagogika i psihologija. – Rostov-na-Donu, 1996.
4. Unezhev K. H. Fenomen adygskoj (cherkesskoj) kul'tury. – Nal'chik, 1997.

© Афашагова А. А., 2016.

УДК 159.922.7

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К НИМ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА

И. О. Карелина

*Кандидат педагогических наук, доцент
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Россия*

THE CONTENT OF PRESCHOOLERS' REPRESENTATIONS ABOUT THE KINDERGARTEN TEACHER'S EMOTIONAL ATTITUDE TOWARDS THEM

I. O. Karelina

*Candidate of pedagogical sciences
assistant professor
Yaroslavl state pedagogical university
named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The study object is the process of knowing kindergarten teacher's personality by children aged 4–5. The author distinguishes the some features of preschoolers' representations about the kindergarten teacher's emotional attitude towards them based on data analysis of the projective verbal techniques. Particularly at the context of this article the characteristic of the children's subgroups with confident and optimistic expectations in relation to kindergarten teachers or with anxious and pessimistic ones is presented as well as the variants of a children's emotional directionality on the kindergarten teachers.

Keywords: cognition of kindergarten teacher's personality by children; representations; emotional attitude; child's expectations in relation to kindergarten teacher; child's emotional directionality on the kindergarten teacher.

Тезис о том, что эмоциональное состояние дошкольника и его отношение к детскому саду во многом зависят от эмоционального отношения воспитателя к ребенку, справедлив не только с точки зрения житейской психологии, но и является доказанным фактом в детской психологии (Т. А. Комисаренко, А. Д. Кошелева, С. Д. Краснова, С. Е. Кулачковская, В. Р. Лисина, Е. А. Панько и др.). Действительно,

ребенок с радостью посещает дошкольную группу, где воспитатели демонстрируют собственное расположение и искренний интерес к нему, стараются увидеть в нем потенциально равноправного партнера, радуются его успехам, помогают преодолевать трудности [1; 2].

Проблема изучения представлений детей об эмоциональном отношении к ним педагога относится к области *познания дошкольниками*

личности воспитателя. Психологическую структуру процесса познания человека человеком, т. е. субъективного воссоздания личностной реальности другого, составляют ощущение, восприятие и мышление, которые результируются в *образе-представлении* о человеке. «Образ-представление осознается как впечатление, которое затем вербализуется и переводится в понятия; на их основе возникает суждение как социально-психологическая интерпретация, мера адекватности которой определяется чувством эмпатии и способностью к пониманию» [3, с. 27]. Проблему представлений об эмоциональной жизни человека одним из первых в отечественной психологии обозначил А. В. Запорожец.

Следующее понятие нашего исследования – *эмоциональные отношения* – рассматривается в трех ипостасях (Л. Я. Гозман): как эмоция, имеющая своим предметом другого человека; как аттитюд (социальная установка на другого); как эмоциональный компонент межличностного восприятия. Под эмоциональным отношением воспитателя к ребенку мы вслед за А. Д. Кошелевой будем понимать систему разнообразных чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в обращении с ним, и особенностей понимания и восприятия его характера, его поступков [1].

Выбор нами в качестве субъекта исследования детей среднего дошкольного возраста не случаен. Во-первых, на 5-м году жизни ребенок начинает понимать, что он обладает моделью психического, отличаю-

щейся от модели психического Другого, у него формируются предсказания поведения Других на основе представлений о последствиях собственного поведения; вместе с тем, понимание дошкольником психических состояний зависит от ситуативного контекста [5]. Во-вторых, в этом возрасте дети проявляют особую чувствительность к отношению взрослого к себе как к личности и испытывают «... потребность в обмене впечатлениями и мыслями не только ради согласования действий или совместного преодоления затруднений и препятствий, но и ради того, чтобы получить ответный отклик взрослого, *выяснить его отношение к себе* (курсив наш. – И. О.), достичь взаимного понимания» [4, с. 224].

В эмпирическом исследовании особенностей представлений детей среднего дошкольного возраста об эмоциональном отношении к ним воспитателя, проведенном под руководством автора, приняли участие 55 детей 4–5 лет из 3-х дошкольных образовательных организаций г. Рыбинска. В целях исследования были использованы проективные диагностические средства (проективные вербальные тесты). Обе диагностические процедуры были построены в форме индивидуальных бесед, основное содержание которых составляла интерпретация детьми воображаемых ситуаций взаимодействия с воспитателем.

Выявляя характер личностных ожиданий детей в отношении воспитателя посредством проективного вербального метода (У. В. Ульenkova, Е. Н. Васильева),

мы предложили каждому ребенку спрогнозировать поведение и эмоциональные реакции педагога по отношению к нему в тех или иных вероятностных ситуациях.

Как видно из таблицы 1, дети с *уверенно-оптимистическими ожиданиями* по отношению к обоим воспитателям (69,1 %) или одному из них (25,45 %) не сомневаются в

положительном отношении взрослого: в ситуациях собственного успеха они прогнозируют его одобрение и похвалу; в случае возможного или явного неуспеха они убеждены, что воспитатель непременно разберется в ситуации, выскажет собственное мнение, возможно, даже пожурит, реагируя на проступок, но не более.

Таблица 1

Примеры ответов дошкольников 4–5 лет с уверенно-оптимистическими ожиданиями по отношению к воспитателю

Ситуации	Ответы ребенка на вопросы по ситуации	
	1. Что скажет тебе воспитательница?	2. Она поверит, что это сделал (а) ты?
№ 1 (успех)	<i>«Знаете, она удивительным голосом скажет, какой я молодец – она всегда так делает!»; «Молодец, что такой хороший (домик) сделала, кому-нибудь еще сделай!»; «Ты очень постаралась, Маша!»</i>	<i>«Конечно, поверит. Скажет, что я молодец. Я всегда все делаю хорошо».</i>
№ 2 (возможный неуспех)	<i>«Нет, это не ты сделала!»; «Я не верю, что это сделал ты!»; «Кирилл? Да?! Не может он так сделать!»</i>	<i>«Нет»; «На меня бы не подумала, а вот на Сашу бы подумала».</i>
№ 3 (явный неуспех)	<i>«Скажет, что я не могу так поступить»; «Наверное, это не ты, а кто-то другой».</i>	<i>«Нет. Я себя плохо не веду»; «Поругает, наверное... Нет, не поверит, что я сделала».</i>
№ 4 (явный успех)	<i>«Хорошо поступил!»; «Умница, хорошо сделала!»; «Скажет, что я правильно поступила, похвалит меня».</i>	<i>«Да, поверит»; «Поверит, похвалит и поставит меня в пример всем ребятам».</i>

Напротив, дети с *тревожно-пессимистическими ожиданиями* в отношении обоих педагогов (5,45 %) или одного из них (25,45 %) отвечают нерешительно, с чувством какой-то обреченности, не ожидая иного исхода сложившейся ситуации (таблица 2). В ситуациях соб-

ственного успеха они не могут точно спрогнозировать адресованные им высказывания, эмоции и действия педагога, однако они уверены в порицании воспитателя в ситуациях их возможного или явного неуспеха.

Таблица 2

**Примеры ответов детей 4–5 лет
с тревожно-пессимистическими ожиданиями в отношении педагога**

Ситуации	Ответы ребенка на вопросы по ситуации	
	1. Что скажет тебе воспитательница?	2. Она поверит, что это сделал (а) ты?
№ 1 (успех)	«Спасибо»; «Красивый домик»; «Хорошо»; «Молодец!»	«Наверное, поверит»; «Не знаю, скорее, поверит»; «Может, поверит, а может, и нет. Скорее, не поверит, скажет, что мама помогла мне».
№ 2 (возможный неуспех)	«Плохо»; «Что это плохо».	«Да»; «Да, поверит»; «Конечно, поверит», «Не знаю, скорее, поверит».
№ 3 (явный неуспех)	«Плохо»; «Скажет, что так делать плохо».	«Да, поверит»; «Наверное, поверит»; «Будет ругаться, поверит».
№ 4 (явный успех)	«Наверное, просто похвалит»; «Хорошо сделал».	«Не знаю (пожимает плечами), поверит»; «Может, и не поверит».

Следующий проективный вербальный тест «Изучение представлений дошкольников об отношении к ним педагога» (С. Е. Кулачковская) был направлен на выявление представлений детей средней группы об адекватности отношения к ним воспитателя и ха-

рактера эмоциональной направленности детей на педагога. По результатам интерпретации детьми 3-х воображаемых ситуаций полученные ответы были разделены на утвердительные, отрицательные и неопределенные (таблица 3).

Таблица 3

**Примеры ответов, отражающих представления дошкольников 5-го года жизни
об эмоциональном отношении к ним воспитателя**

Вопросы по ситуациям	Ответы ребенка на вопросы по ситуации
1. Как ты думаешь, воспитатель даст тебе роль ведущего? (дети готовятся к концерту).	Утвердительные: «Да, даст»; «Да, конечно»; «Да, даст мне роль, буду главной!»
	Отрицательные: «Нет»; «Мне бы такую роль не дала».
	Неопределенные: «Не знаю»; «Может быть...»
2. Как ты думаешь, воспитатель отдал бы ее тебе или кому-нибудь другому? (педагог вносит карнавальную маску в группу).	Утвердительные: «Да»; «Отдала бы мне маску»; «Точно дала бы мне»; «Мне бы, конечно, подарила».
	Отрицательные: «Нет, отдаст другому, она меня не любит»; «Дала бы кому-нибудь другому»; «Мне не дала бы, а Максиму подарила бы».

	Неопределенные: « <i>Может, отдала бы...</i> »; « <i>Может, даст, а может – нет</i> ».
3. Как ты думаешь, на тебя бы за это воспитатель рассердился? (дети оставили на ковре разбросанные игрушки).	Утвердительные: « <i>Да</i> »; « <i>На меня бы подумала</i> ».
	Отрицательные: « <i>На меня никогда не сердится</i> »; « <i>Нет, уж точно не на меня!</i> »; « <i>Не рассердится, я всегда слушаюсь</i> »; « <i>Меня никогда не ругают</i> ».
	Неопределенные: « <i>Не знаю</i> ».

Представим краткую характеристику подгрупп детей, отличающихся характером эмоциональной направленности на воспитателя:

– «эмоционально восприимчивые» – дети с выраженной положительной эмоциональной ориентацией на двух воспитателей дошкольной группы (54,5 %) или на одного из них (20 %) и особой чувствительностью к эмоциональному состоянию педагога. Они уверены в любви воспитателя, способны адекватно оценить его эмоциональное отношение к себе (только у пятой части дошкольников с положительной эмоциональной направленностью на воспитателей выявлены тревожно-пессимистические ожидания в отношении одного или обоих педагогов);

– «эмоционально невосприимчивые» – дошкольники с отрицательной установкой на воспитательные воздействия обоих работающих на группе педагогов (7,3 %) или одного из них (29,1 %). По-видимому, они усвоили порицающее отношение воспитателя к себе, поэтому ситуация общения с ним – реальная или вероятностная – не окрашена для детей положительными эмоциями. Результат – неадекватные реакции ребенка даже на положительные воздействия педагога

(не удивительно, что у 65 % эмоционально невосприимчивых к одному или обоим педагогам детей доминируют тревожно-пессимистические личностные ожидания);

– «безразличные» – дети с индифферентным отношением к обоим педагогам или одному из них (по 9,1 % соответственно), неуверенно прогнозирующие адресованные им эмоциональные реакции и действия воспитателя вследствие ограниченного опыта эмоциональных контактов с ним (среди дошкольников с невыраженной эмоциональной ориентацией на одного или обоих воспитателей 70 % детей имеют тревожно-пессимистические ожидания по отношению к ним).

На основе анализа вариантов интерпретации детьми средней группы различных ситуаций взаимодействия с воспитателем мы пришли к выводу, что в содержании представлений дошкольников об эмоциональном отношении к ним педагога отражены такие компоненты эмоционального отношения воспитателя к детям, как [1]: особенности принятия ребенка – адекватно позитивное или неадекватно отрицательное восприятие и понимание педагогом действий и поступков дошкольника; наличие и характер дистанции во взаимодей-

ствии «воспитатель – ребенок» (позиция «рядом» или «сверху»); эмоциональные реакции и общий эмоциональный фон в работе воспитателя; различные действия воспитателя (ругает – хвалит, наказывает – не наказывает, др.).

Безусловно, содержание формирующихся представлений дошкольников об эмоциональном отношении к ним воспитателя, степень их полноты и адекватности обусловлены совокупностью многих факторов, среди которых следует выделить: индивидуальный стиль педагогической деятельности, в частности, ориентированность воспитателя на учебно-дисциплинарную или личностную модель взаимодействия с детьми и характер эмоционального отношения к ним; отношение родителей к воспитателю дошкольной группы, так как именно в семье ребенок получает первые образцы эмоционального отношения взрослых к другим людям; степень развития у детей способности идентифицировать эмоциональное отношение взрослого по невербальным средствам; особенности внутреннего мира самого ребенка (острая восприимчивость, впечатлительность, тревожность и пр.).

Вместе с тем, совершенно очевидно, что выстраивание эффективного взаимодействия с ребенком и, в целом, результативность педагогической деятельности будут зависеть не только от умения педагога реализовать по отношению к дошкольникам образовательные, развивающие и воспитательные задачи, но и от полноты реализации ряда педагогических условий [2], во мно-

гом определяющих модальность ожиданий ребенка и его эмоциональную направленность на воспитателя: знание педагогом личностно-значимых индивидуальных потребностей ребенка; личная, индивидуальная адресованность педагогического воздействия; выразительная передача педагогом собственного расположения к ребенку с помощью вербальных и невербальных средств.

Библиографический список

1. Кошелева А. Д. Эмоциональное развитие дошкольников: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. О. А. Шаграевой, С. А. Козловой. – М. : Академия, 2003. – 176 с.
2. Лисина В. Р. Влияние общения воспитателя с ребенком 5-го года жизни на его эмоциональное благополучие: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1994.
3. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. – СПб. : Речь, 2005. – 324 с.
4. Развитие общения у дошкольников / под ред. А. В. Запорожца и М. И. Лисиной. – М. : «Педагогика», 1974. – 288 с.
5. Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 415 с.

Bibliografickij spisok

1. Kosheleva A. D. Jemocional'noe razvitie doskol'nikov: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij / pod red. O. A. Shagraevoj, S. A. Kozlovoj. – M. : Akademija, 2003. – 176 s.

2. Lisina V. R. Vlijanie obshhenija vospitatelja s rebenkom 5-go goda zhizni na ego jemocional'noe blagopoluchie: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. – M., 1994.
3. Poznanie cheloveka chelovekom (vozrastnoj, gendernyj, jetnicheskij i profesional'nyj aspekty) / pod red. A. A. Bodaleva, N. V. Vasinoj. – SPb. : Rech', 2005. – 324 s.
4. Razvitie obshhenija u doskol'nikov / pod red. A. V. Zaporozhca i M. I. Lisinoj. – M. : «Pedagogika», 1974. – 288 s.
5. Sergienko E. A., Lebedeva E. I., Pruskova O. A. Model' psihicheskogo kak osnova stanovlenija ponimanija sebja i drugogo v ontogeneze cheloveka. – M. : Izdvo «Institut psihologii RAN», 2009. – 415 s.

© Карелина И. О., 2016.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • Infobase Index (Индия)	• Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • Infobase Index – 2,06, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
 - отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

AKADEMICKÁ PSYCHOLOGIE

Vědecký a praktický časopis

№ 3, 2016

Čtvrtletní

Šéfredaktor – **Valeriy M. Miniyarov**
Zástupce šéfredaktora – **Ilona G. Dorošina**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 13.09.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 4,2
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz